

Расшифровка интервью

Дата: 28.04.2022

00:00:01

Я до этого писал очень много. Я, будучи даже уже... Работал еще, я с разнорабочего прошел все стадии. Разнорабочий, в домостроительный комбинат поступил в 1960 году и пошел, пошел, пошел: монтажник, потом звеньевой, потом бригадир, мастер, прораб, главный строитель, главный инженер — и стал начальником ДСК. И будучи даже начальником ДСК кисловодского, вот эти панельные дома у нас все в Кисловодске построены мной, или рабочим будучи, когда я был рабочим, или когда стал начальником, и я даже когда начальником [был], единственная белая ворона был в городе, который был беспартийным. Это благодаря второму секретарю, он всё скрыл. Он просто так любил, уважал меня, что я работал как зверь, честно говорю. Приходил на мои объекты, я всегда торчу там с шести утра и до одиннадцати вечера. И поэтому он скрыл это, что я беспартийный, и меня назначили начальником. И я в то время писал уже большие заметки. Было у нас три газеты Кисловодские: «Огни Кавминвод», «Бизнес Кавминводы», «Кисловодская газета» и «На Водах». Четыре газеты. Одна в Пятигорске. Я везде тогда уже писал такие заметочки, такие статьи, с небольшим... Конечно, помня свое прошлое, с небольшой критикой. Везде критика была, точнее. Уже в то время я писал. А поступил я, когда уже это началось, всё это, перестройка, закончился... Я ушел на пенсию, и приняли меня в Союз журналистов. Естественно, попросили, какие... Уже знали меня и попросили все мои статьи, а их было около 2000, статей. Они у меня все здесь, кстати, дома, я их сохранил, 2000 статей. Я, конечно, послал в Ставрополь всё туда, меня приняли. Всего-навсего в 2011 году, в 2011 году.

00:02:15

Тогда с самого начала начнем. Где вы родились и в какой семье?

Родился 26 июля 1938 года в городе Кисловодске, по улице Революции, 116. Улица Революции была названа в честь революционеров. Они когда-то наступали здесь, через Юцу, проходили полки через эту улицу, назвали ее Революции. Вот там я родился. Отец мой был с Георгиевска. Их четыре брата. Четыре брата, да. Он, так сказать, был из простых мужиков, будем так говорить. Раньше так делили: казаки, мужики. А мама была казачка, Углова. А он Кузнецов. Мама была моя инвалидка, она хромала всю жизнь на правую ногу, то есть у нее нога правая не сгибалась. Но красивая женщина, очень красивая. Папа полюбил ее, не знаю чего, и в Кисловодск переехал. И жили в этом домике мы, небольшой домик, он и сейчас под этим номером, что удивительно, 116-й номер сейчас, удивительно, он остался. И вот мы жили в этом доме, папа, мама, бабушка, мамина мама. Все жили там. Отец устроился. Он грамотный человек был. Не знаю, кем сначала он был, но потом у нас строили санаторий Орджоникидзе, сам Серго Орджоникидзе строил санаторий — есть такой на горе у нас, рядом, недалеко от нашего дома, кстати, — и он постепенно стал там десятником. Десятник — это приблизительно начальник СМУ. То есть я даже потом когда стал тоже в будущем начальником СМУ, потом я немножечко даже превзошел как бы отца по строительству. То есть мы династия строителей. Отец был строитель, построил третий корпус, «Гайка» называется в народе, Орджоникидзе. Это шестигранный большой такой мощнейший корпус. Я всегда хожу и горжусь: мой отец строил! Потому что он навечно стоит. Он, действительно, он и сейчас помпезный такой, знаете, была раньше архитектура. И отец был десятником, построил его, а затем начинается предвоенное время. Приезжали к нам в гости братья — Иван, Петр и Василий. У нас был большой сад. Мы собирались в саду. Братья никогда ничего не пили. Никогда. Я не помню, чтобы когда-то кто-то был выпивший или пили что-то, на столе бутылочки вина даже не было. У них бабушка приносила самовар большой в сад, вот они братья становились, начинали пить чай. Это летом, в летнее время. Пьют чай, ля-ля-ля, тра-ля-ля, я, конечно, слушаю все разговоры. Бессарабия, Германия, Англия, какие-то разговоры все такие, что скоро война. Старший говорит: «Воевать будем, наверное, с Англией всё-таки, но и Германия ненадежна, хоть мы заключили с ней этот пакт о ненападении. Кто его знает?»

00:05:25

И действительно — война случилась. В один из дней приходит с базара бабушка Капитолина и говорит: «Нюся, война!» Отец был еще на работе. И действительно, война. Через три дня буквально отец пошел добровольцем на фронт. Мать не пускала, конечно. Слезы, скандал, но он пошел добровольцем. Он уже как бы с высшим образованием был человек плюс работал всё-таки на небольшой начальнической должности, его назначили сразу же в 1941 году командиром взвода пулеметчиков. Командиром взвода пулеметчиков. Это приблизительно по

чину, если сегодняшней взять, то это старший лейтенант. В то время не было никаких званий особо, регалий. Ну, старший лейтенант. Воевал, 1941 год, и в 1942 году был, уже когда немцы перли на Сталинград, перед Ростовом он был контужен, обморожен, ранен легко в ногу одну и лежал в госпитале. У него отняли все пальцы больших ног. Немцы прошли на Сталинград. Он попал в плен. Полгода в плену. Немцы назад, когда наши погнали со Сталинграда в январе, освободили Ростов, второй раз попал в плен. Теперь к своим. Раз командир Красной Армии, в плену был, полгода был в плену, Сталин же сказал, Джугашвили Иосиф сказал: «Пленных у нас нет. Есть предатели». Отцу 10 лет лагерей, а маму, ей 28 лет, молодая женщина с двумя детьми, нас сослали в Сибирь. Сослали в Сибирь. Это было 31 августа 1944 года, уже после выселки карачаев. Карачаевцев выселили отсюда, татар, балкарцев и так далее. Калмыков. А нас уже в 1944 году, 31 августа, помню даже до сего времени эту жуткую ночь, когда грубо постучали в ставни, ворвались, собрали. Орут, кричат, матюкаются: «Собирай, мать. Собирай — неудобно говорить, — сука, — вот так, буквально матом, — все вещи, вас высылают в Сибирь». Какие-то мы узлы собрали, в три часа ночи выскочили, вышли на улицу. Выгнали нас на улицу, там уже стоит полторка, уже четыре женщины с детьми сидят у них. И на товарную станцию. На товарной станции крик, плач, галдеж. Мы тоже плачем, туда-сюда, погрузили в вагоны, вагоны — товарняк. Три яруса досок. Молодые более-менее, кто молодые, туда наверх, старшие в самом низу. Мама калека, последняя, орет, кричит, плачет, ее еле-еле затащили, у нее же нога больная. И нас поселили около самого ужасного места, туалета. Туалет — это дырка в полу, внизу зарешеченная всего-навсего. Взрослые ходили в туалет вечером, когда стемнело. Никакого света, естественно, в вагоне нет, ничего нет. А мы около туалета, оттуда сквозняк. И перед этим еще скажу. Цепляли эти вагоны с нашей кисловодской товарной станции, потом в Ессентуках остановились, потом остановились в Пятигорске, потом в Минводах. И целую неделю цепляли — 40 вагонов, 40 вагонов. И приблизительно в каждом вагоне 40-50 человек. Двумя паровозами тянули нас. И вот от Минвод отехали, где-то там на станции стоим — сутки, двое, трое. Целый месяц мы ехали до Сибири, в Сибирь. Пропускали воинские эшелоны, 1944 год, еще война была. Единственное, помню, что открывалась раз в день катущая дверь, у нас была такая катущая дверь в вагоне, и кто-то там, староста какой-то, кричит: «Два мешка и два ведра». В мешки хлеб, а в два ведра — гороховая похлебка. Один раз в день кормили нас. Туалет здесь. Всё, больше ничего никак. Люди стонут, кричат: «Куда вы нас везете?» Некоторые плачут. И, по-моему, человек пять-шесть умерло стариков всё-таки за всю дорогу до Почты. И вот когда поезд остановился уже через месяц, это было уже начало ноября, станция Новосибирск, увидели всю эту Обь широкую: «Вот куда нас привезли!» Погрузили на две баржи с этих вагонов. Две баржи потянули, одна по Оби пошла вверх, а нас немного протянули, я не знаю, километров, наверное, сто, не больше, и остановили. Почта называется. Остановка Почта. Вот смотрим. Вышли, нас вытащили всех оттуда, с баржи, еле-еле шатаемся. Кто-то рвет, кто-то поносит. Там, естественно, какую воду пили. И стоят уже быки, быки, подводы, штук 15. На быки, на подводы... Война была, лошадей не было в Сибири, только быками, все колхозы на быках выехали, как говорится, пахали, сеяли. И на быках нас повезли еще в глубь тайги, две недели еще. Уже дожди холодные, конец октября, ноябрь начался. И вот это две недели, тоже люди умирают, прямо хоронят, выкопают здесь. Старики уже не выдерживали, потому что где-то в поезде если было 2000 с лишним человек, я так считаю, что 50 на 40 вагонов, где-то 2000 было. Да, по дороге несколько человек убежало. И первое время, когда убегали люди, молодые, потом вообще нас закрыли и не выпускали из вагонов. Детей только иногда выпускали за кипятком. Я помню, меня мать послала, я за кипятком бегал. Один раз говорили: «Вот там кипяточек». И вот нас тянули, тянули, тянули эти быки. Лёнзавод, остановка. Выходит маленький плюгавенький мужичок, Пинчуков: «Я директор лёнзавода Пинчуков. Пять подвод здесь остаются, а остальные — айда во Вдовино». Какое-то Вдовино. Это будущее мое, где я 10 лет провел, ов Вдовино. И, значит, лёнзавод. В правление колхоза поместили пустующее, стекла выбиты. Подушками начали затыкать, подметать. Пинчуков говорит: «Хватит реветь, бабы, давайте работайте! Давайте заготите, вон печь есть, вот рядом есть немножко дров. В лесу вот рядом кустарник». Короче, четыре семьи и мы, пятая семья наша. Пять семей. Киселевы там, вспоминаю, еще там с девочками. Поселили в этом правлении колхоза, и мы там начали жить. Буквально на следующий день, туда-сюда мы, уже снег выпал, начало ноября, уже снег выпал, и нас, маму и всех остальных взрослых женщин, погнали на лен, лен дергать. Тогда только льном там всё засевалось. Лен был для Красной Армии нужен, это шинели, это гимнастерки, это всё. И вот, значит, их погнали на лён, а мы остались топить и заготовливать и там ходить, тут рядом лес. Кто что напялил, начали мы ломать кустарники, целый день эту печку топим, играемся там. Потом начали помогать им. Они начали этот лен крутить, там веялка такая, лёнзавод — название одно, лёнзавод. Вручную крутят, лён перемалывается, зерно бежит в одну сторону, пряжа в другую сторону. Мы тоже помогаем, что-то там делаем. И первый год мы остались там, еле-еле пережили эту зиму, еле-еле, как-то что-то... Я не знаю. Со временем, уже к весне, эти семьи куда-то делись, ушли, а мы уже желтые, пухлые. Наступило лето, весна. Весна 1945 года. Всё отлично, зелень, лебеду начали есть. И вот начали жить. Калякин, председатель колхоза, дал маме задание, взял на работу ее наконец-таки. То бездельничали. После льна уже ничего не делали пять месяцев, еле-еле пережили эту зиму и, значит, начали работать. Она начала птичницей работать, а мы начали помогать ей. Тогда был курятник огромный в колхозе,

несколько сот, тысяч, может даже, курей. Ну, кушать же надо, есть ничего не давали, кроме лебеды, кислицу в лес побежишь, набираешь, животы вот такие. И мама чуть-чуть начала яйца... Куры начали нестись в мае где-то, в июне. И вот как будто варит похлебку какую-то, кидает туда несколько яиц для нас, естественно, в воде. Ну, что-то зеленью заправит. А эти сибирячки, значит, проверяли: «Смотри оба, чтобы яйца не воровала!» Ну, они же не знали, что будем воровать всё равно. Жрать-то надо что-то. И они раз — этот чугунок вылили, увидели там несколько яиц. Калякин выгоняет ее, переводит пасти свиней. Значит, свиньи разбредаются в разные стороны, наша задача была с Шуркой, брат мой, собирать их. Но мама единственная, значит, только когда мы пригоняли свиней, кормила их картошкой, перемальвала, готовили картошку для них, месиво какое-то с отрубями. А мы, значит, пасли свиней. И пасли мы свиней до самой осени. Один раз там свинья чуть не утонула, и потом нас тоже чуть не выгнали из-за этого с правления. Так что я был маленьким свинопасом, даже рассказ написал «Маленький свинопас». После этого, значит, нас перевели во Вдовино. В Носково сначала. Маленькое еще село, Носково.

00:16:11

Это всё Новосибирская область?

Всё Новосибирская область, да. В Носково, значит, мы... Поселили нас, никто не брал, переполненные все хаты сибиряков. Ссылных очень много. Ссылных полно. И нас поместили куда? Сжалилась одна телятница. И в телятники прям поместились на зиму. На зиму. С 1945-го на 1946 год. Зароемся в соломе, натаскали в углу соломы, полно всего. Мама ходит, что-то где-то подрабатывает, где-то подметает полы, где-то что-то. Потом и я начал ей помогать, петь песни ходить по сибирякам. Ну первое время. А так вот, когда зима, морозы всё сильнее и сильнее, до минус 40 как пошли морозы, это что-то ужасное. Особенно февраль, это вообще — дуют такие ветры! И вот лежим в этой соломе, зарылись, в лохмотьях, ревом день и ночь. Ревем, плачем: «Мама, мама!» А мама что могла? Тёлочка растопырится писать — мы бежим: раз — выскочишь, руки погреть надо было, руки уже всё, под струю мочи. Вот это вот запомнил на всю жизнь. Все во вшах, вши, вот такие ногти, постричь даже негде было, вот такие вот ногти, когти, вши. И вот ревели, ревели, плакали, плакали. Ну, в общем, кое-как эту зиму пережили в телятнике. Вот пережили зиму, опять весна началась, всё нормально. Начали, опять маме дали работу, Калякин дал какую-то работу. Коров пасти теперь, коров пасти, бык нас чуть не задрал. Ну, короче, помогали маме. И опять, да, лето прожили, а начинается зима, негде жить. И опять нас в телятник. И вот телятник — это сердобольная телятница, молодец, она нас помешала к себе в телятник. Ну, а потом мы ревом, плачем, и мама говорит: «Ты знаешь, не переживут мои дети уже третью зиму эту». И она всё-таки сжалилась и поместила нас к себе, телятница, домой. Вот уйдет с мамой, мама помогает ей в телятнике, уйдет на работу в телятник, а мы сидим тоже голодные, жрать нечего, ничего нет. И вот надьбали у нее подпол такой, плохо отходит дверца в подпол. И вот взяли пруттик, прутиком раз проткнешь картошку, тихонечко вытаскиваешь — раз, вытащил картошину, одну, вторую. И вот это раз — в печку. А печку всю зиму топим, потому что там так холодно! И вот испечешь картошки две-три, потихонечку. Ну, вроде сибирячка не замечает, прошел месяц-два, и Шурка, мой брат неловкий, один раз уронил картошину вместе с прутиком через эту щель. Сибирячка пришла, когда увидела всё это: «А-а-а, вы сволочи кавказские! А я-то думала, почему у меня картошки вроде меньше и какая-то попадаете вся с дырочками!» Нас, короче, выгнала. Вынала зимой, мать перед ней плачет, валяется в ногах, бесполезно. Выгнала зимой, мы ревом тоже все, идем. Мать бьет подзатыльник Шурке, мне. Ну вот, пришли к правлению колхоза, к этому Калякину. Он: «А-а-а, ты опять воровать?» Ну, так вот я [запомнил], про воровать ругались. Матом ее: «Куда пришла, пошла!» Она говорит: «Что хочешь делай, не уйду я отсюда, с конторы. Не уйду, что хочешь, убивайте нас здесь. Всё, моих сил нет, предел наступил». Ну, значит, мужики тут... А он же сидит в колхозе, там счетовод около него, и там приходят бригады, лошадей туда, то есть [не] лошадей, быков, разнарядку получают, кто на лен, кто на завод, кто за сеном, кто за дровами и так далее. И вот целый день шум, махорка, курят и нас... Говорит: «Ладно, полезай на полати, только молчите там, чтоб не слышно вас было». А у входа в контору было несколько досок, и вот это полати называлось в Сибири, под самым потолком, буквально там 30–40 [санти]метров. Вот мы сунулись, залезли туда, и мама с нами, и вот там лежим целый день на полатах, пока заканчивается рабочий день, мужики уходят, и мы тогда только слезаем оправиться. И начали с мамой ходить, работать. Она работает, она также по сибирякам, уже знакомые сибирячки там есть, у кого-то, старушки там одиночные несколько жило, она убирала там у них. Я пел песни ходил, меня очень любили, я очень пел песни, любил все военные песни буквально. Много знал песен уже к тому времени, потому что я пропустил, я забыл [сказать], что я в госпитале, когда мама здесь работала, в 1942 году, я пропустил, в 1942 году, когда немцы пришли, когда выгнали немцев в 1942 году, в январе, ее взяли санитаркой работать в санаторий Орджоникидзе, который строил отец, я забыл просто. И она с 1942 года по 1944-й работала в санатории, в [нрзб] госпитале, госпиталь, вот этот санаторий Орджоникидзе сейчас он называется. И я ходил к ней туда, раненым пел песни тоже. Меня там полюбили, у меня есть всё это в книгах. В свое время, то есть я уже был певец, маленький певец, кое-какие песни изучил. И в общем, когда уже стали мы там жить на

этих полатах, и постепенно не стали пускать сибиряки уже, матери тоже, все жили очень бедно, это был уже 1947 год, невозможно, никто ничего, и мы начали помирать буквально. И потом вдруг как-то мать услышала. На полатах лежит, приехали мужики и говорят этому председателю Архипу Калякину: «Вот, были сейчас на замощье, последние стоги сена забирали». А раньше как — заготавливали сено и оставляли в поле это сено, всё, потом вывозили на быках его, кормили телятники, всё было в каждом колхозе, там были большие фермы, коровы, свиньи, телятники. И говорят: «На замощье разбираем, а там замерзшие китайцы. Столько замерзших китайцев! Мы их отодвинули в сторону, сено всё забрали. И в других стогах потом нашли тоже много». А почему китайцы? Потому что где-то именно в этом году... А оказалось, что прислали китайцев в 1947 году, что с ними случилось? Или через границу они перебежали, или что. Человек 200, наверное, прислали в тот район, не только наше Вдовино, лёнзавод и так далее, Алексеевка, Хохловка, там 22 деревни всего было, вот их поприслали, и у нас тоже там изрядное количество было. Я вспоминаю, как они ходили, побирались. Их бросили в амбары, три амбара, которые не отапливались, не дали ни пил, ни дров, ничего, то есть они не могли себе ни костер, ничего, ни еды не дали, ни одежды, ничего. Они начали что? Ходили-ходили, никто их не пускает, всё переполнено, и они зарывались, уходили в поле, кто-то, видать, сказал один ля-ля, они все зарывались в эту солому и там умирали, в это сено, в солому. А раньше скирды соломы были точно так же и сено, сено для коров, для телят, а солома для... Тоже, наверное, делали потом силос, я не знаю, что-то с них делали. Зарывались и умирали там. И вот он говорит... И мама со Спириной... А! А мы же жили со Спириной Клавкой, вот с матерью на этих полатах, две семьи, по сути дела. Спирина такая же бедолага была, мать и дочка. Она говорит: «Ты слышала, китайцы мёрзлые? Пошли туда, замощье мы знаем, летом были, косили сено, я знаю». Мы-то потом это всё узнали. Смотрим один раз, уже лежим еле-еле, без движения, пахнет чем-то, мясом пахнет. А они, оказывается, вырезали печень у китайцев и эту печень начали нам варить. Вот так нас, так сказать, мясоед, спасли нас, вот эта печень у китайцев.

00:24:54

Николай Владимирович, вот эта вот история, мать потом просто рассказала или вы как-то?... Как вы узнали о том, что это было?

Мать всё рассказала, мать всё рассказала. Естественно, мы ничего не знали, мама говорит: «Ой!» Когда мы начали, ну, какой-то своеобразный вкус такой, ну всё равно мясо, мясное пахнет, бульон особенно: «Ой, дети, это Калякин нам дал мяса немножко». Мы ничего не знали, мы вообще ничего не знали. Я это узнал, уже будучи довольно взрослым человеком, здесь. Уже мама, можно сказать, при смерти уже была, всё это рассказала. Я и не знал, что я сам, оказывается, ел печень китайцев, что мы там спаслись, и Спирины, и мы. Это позже было, естественно. Но всё равно потом, всё равно, там же это тайга, и все эти трупы китайцев всё равно растаскивали волки, шакалы, медведи, там полно зверей, кстати, было в то время, 1947 год. И всё это кончилось быстро, как говорится, к весне мы начали опять опухать, опухать, всё. И вот один раз... Да, а перед этим мой старший брат месяц походил в галошах. Правда, единственные были галоши на семью у нас, и он походил месяц в школу. И вот там была учительница Ольга Федосеевна, благодаря, собственно, ее... Потом она нас спасла. И к Ольге Федосеевне походил, прилежный мальчик, а он понравился ей, но он вообще тихоней был у меня, старший брат. И она как-то кинулась и говорит: «А где Углов? Что-то нету Александра Углова». И он говорит: «Да они лежат там, на полатах, у председателя колхоза». Она прибежала, она депутат райсовета была, глянула, а мы не шевелимся все уже. Так чуть-чуть шевельнулся кто-то из нас, мы уже, можно сказать, были трупы готовые. Девять или одиннадцать дней не ели, во вшах все, грязные, все вот такие вот. И она: «Архип, а что ж ты сделал с детьми? Ну это ладно, китайцы, ну это же русские! Что ж ты не мог им дать мешок картошки от колхоза, мешок пшеницы?» Начала ругать его, он председатель колхоза, она депутат райсовета была, Пихтовского. Пихтовка была наша, так сказать, столица. И она нас забирает всех с полатах, машину какую-то, то есть машину, господи, быка какого-то взяла. Кто-то проезжал мимо, остановился около председателя, хотел ехать в Пихтовку, она уговорила его: «Давай детей отвезем в больницу». И меня, брата и маму, которая тоже уже не шевелилась, отвезли в больницу, во вдовинскую больницу, вот отсюда начинается моя эпопея во Вдовино моем любимом. И во вдовинскую больницу отвезла, и там нас начали спасать, там были действительно... В больнице трудились специалисты все ссыльные, все очень высококлассные специалисты, там поляки, два поляка было, один хирург, [Нрзб] Дакеневич и Вацлав Константинович Подольский, это было вообще чудо, были такие... И вообще в том месте, где мы, во Вдовино когда уже приехали, жили очень знаменитые, много очень — писатели, актеры, Кочкуров, есть такой, там был. Потом в будущем в Пихтовке я жил даже на одной улице с Анастасией Цветаевой, на одной, на Первомайской улице с Анастасией Цветаевой жили мы тоже. Но это в Пихтовке, а во Вдовино тоже много было знаменитых людей. И вот мы во Вдовино побыли, в детдоме побыли, господи, в больнице побыли, и через некоторое время отошли, отошли, нас постригли, помыли. И Ольга Федосеевна нас помещает в детдом. Детей врагов народа именно первое в то время не принимали в детдом, не принимали. Она уговорила первого директора, значит, Ядовинов был, хороший, Павел Григорьевич,

уговорила его, нас приняли в детдом. Она говорит: «Я ручаюсь за них, дети прилежные, хорошие». И в детдом уговорила, а маму приняли прачкой в детдом, тоже уговорила — и маму [приняли], всё, мы получили постоянную работу прачкой. Там маленькое подземное такое было полузаглубленное помещение, и вот мама 200 этих детдомовцев на гребенчатой доске обстирывала. У нее до конца жизни сохранились все пальцы обрубленные, стертые до костей. Как вспоминаю ее пальцы — все уродливые. И вот стирает день и ночь, мыло черное, обстирывает, потом на улицу вывешивает. И целый год мы, наверное, прожили, всё нормально, потом очухались в детдоме, подружились, у меня друзей полно. Вот тут у меня фотографии есть, хулиганить начал, опять детство вернулось. Убегал два раза с детдома, был один из хулиганистых, второй директор детдома, Микрюков, невзлюбил меня, Борис Сергеевич. Я там был заводила, всех заводил, все эти поджоги, всё это устраивал. Ну, так сказать, невзлюбил нас. Три года мы пробыли в детдоме, и как-то он, Микрюков, всё искал предлог, как выгнать мать. И периодически у многих они делали обыски, один раз пришел, сделал обыск у нас, у нее там в прачечной. А она по окончании работы должна была завхозу сдавать всё, ну, белье она по описи посмотрела, значит, а вот мыло, особенно мыло, в то время черное мыло было, это ж вообще, и комбижир. У нее нашли банку комбижира, это ж вообще, как солидол, и обмылки, она накопила много обмылков. И ее — раз... Директор детдома подписывает указ, увольняет ее и выгоняет нас, куда — неизвестно. Куда теперь идти...

00:30:51

По статье ее уволили?

По статье, записал, статье, потом мама показывала когда трудовую книжку, она выдрала этот листок, она из-за этого Микрюкова потеряла четыре года, три года стажа, можно сказать, три года, потому что ей стыдно было: по статье выгнали. А потом, когда она уходила уже перед пенсией, она всё-таки вырвала этот листочек, убрала, это было, по статье. И нас выгнали, и опять нас выручила Ольга Федосеевна, которая нас на санях отвезла когда-то в больницу, потом в детдом. Ольга Федосеевна, первая учительница, она говорит: «Нюся, я вижу, всё, конец будет вам в эту зиму вообще, 1949-й год. Я копила деньги». Она в школе тоже была, тоже, видать, ссыльная, я не знаю, кто она была. Хорошая учительница такая, вот она здесь у меня есть на снимках. Такая женщина молодая, красивая, полная такая. И вот она говорит: «Я копила деньги, хотела себе купить маленькую хатку, но я отдаю вам. Полторы тысячи рублей я отдаю. Тут некоторые продают хаты где-то, что пустующие бывают, и бани продают, и хаты продают, и всё. Вот я знаю, Дроздова продает, построил ей муж, новый там у нее, построил себе хороший дом, а рядом у нее маленький [дом]. Бегом к ней, как раз полторы тысячи вам хватит. Я знаю, что он полторы тысячи [стоит]. Я хотела купить, но отдаю вам, а вы потом как-нибудь отдадите мне». И мать, конечно, пришла, у Дроздовых купила эту хату на две комнатки небольшие, и мы стали [жить]. Собственный дом! На Шегарке во Вдовино, Шегарка — это речка. И вот мы переселились, такие счастливые, веселые, нам все несут, помогают уже. Мы, кстати, сдружились с сибиряками, все нас полюбили, и мы их полюбили, сдружились, общая беда сближает, конечно. И вот мы стали жить в своем собственном доме. Не знаю, насколько мама отдала деньги все, вот эти полторы тысячи, я не могу тут утверждать, ну, трудилась, 20 рублей у нее была зарплата, прачка. Не знаю, отдавала, не отдавала она, не могу утверждать, но отдавала, мама отдавала, несомненно. Может, не всё отдала. И вот мы так прожили там, с детдома выгнали, там начали жить, свой большой участок там, картошку сажать, я скворцов очень любил, скворечников 11 штук наделал, у меня в огороде были. Трудиться начали, учиться начали, пошли в школу, естественно, перед этим. Мама начала работать уже, сначала она работала там же прачкой, а потом с детдома перешла в больницу поваром, и она нас подкармливала, мы приходили, она потихонечку что-нибудь нам даст, и наших друзей. Ну, у меня друзья появились, и мы начали кушать там, уже как-то пережили это тяжелое время. И всё равно от отца никаких вестей. А что с отцом, могу отдельно как бы рассказать потом уже. Или сейчас можно рассказать?

00:34:03

Как вам хочется?

А с отцом, да, параллельно если так говорить, в 1942 году, когда он лежал обмороженный, — я вам сказал уже, что Сталин сказал, что у нас пленных нет, есть предатели, — его сослали в Норильск, а нас сослали в Сибирь. Отец когда шел, огромная колонна была в Ростове, несколько тысяч человек. На товарную станцию гнали, и он заготовил ночью на карандаше, несколько листов бумаги было, треугольнички писем заготовил: «Нюся, дали 10 лет лагерей, где буду, не знаю. Кто поднимет эту записку, кто поднимет это письмо, сообщите по адресу...» И назвал адрес мамин здесь, в Кисловодске. И никто не поднял, или боялись, или что. И он бросал, шел в колонне, а если увидели бы... В колонне гнали на товарную станцию всех арестованных, несколько тысяч человек, он бросал эти записки, никто не сказал. И мы так и не знаем, что с отцом. Сначала в Дудинку его сослали, потом пять лет они Дудинку восстанавливали, Дудинка и Игарка, а потом в Норильск, пять лет, на шахты. Норильский

комбинат вот этот знаменитый. И он исчез, всё, и мы ничего не знали, вот такое дело. Ну, а тут мы начали жить, и мать... Уже вроде бы стало легче, а всё равно женщина потеряла связь, никакой нет, ни от отца ничего нет, ни от кого нет. И к ней, она очень красивая женщина была, несмотря на то, что хромая была, очень красивая женщина, к ней прицепился, будем так говорить, Пастухов Филипп Васильевич. Ну, понравилась женщина — с двумя детьми, но всё равно. Но мать, помню, говорила как-то: «Отца нету, ну что мне делать? Он хоть поможет нам что-то здесь восстановить, по этой хатке». И сошлась с ним, Пастуховым Филиппом Васильевичем. Это был тоже ссыльный, невысокого роста мужичок, довольно неграмотный, но трудяга был страшный, трудяга. И вот он начал там работать, с мамой жить, в нашем домике в этом начал жить, и начали пристраивать большой дом. И почти уже закончил его, когда нас освободили. Когда освободили, уже огромный дом стоял рядом. Он сам плотник был хороший, работник был. Вот такое дело. И она сошлась, и мы начали жить уже вместе как бы. И вдруг — от отца никаких вестей — и вдруг с Южно-Сахалинска приходит письмо к нам. Значит, дядя Вася — это младший из четырех братьев, четыре брата их было всего. Первые два брата погибли в 1941 году и в 1942 году, Петр, Иван, а третий был дядя Вася, он партийный был, его не взяли на войну, его взяли директором рыбокомбината в Южно-Сахалинск. Директор он стал, ну, партийный человек. И он нашел, он искал, писал, писал везде, в Москву, везде писал, нашел нас, и присылает письмо и говорит: «Нюся, я пишу во все инстанции, отец не виноват». Более того, он к нам приехал, приехал в 1949 году, дядя Вася приехал, привез копченую рыбу — с Сахалина же, директор. Там вообще такое царство было, когда мы увидели эту рыбу, это вообще — жирная такая. Две недели пожил с нами, разговоры: «Ваш отец не виноват». Гуляли с ним по полям, везде, разговаривали. «Я всё равно добыюсь, отец не виноват, он был ранен, обморожен весь». Ну, молодец, он как брат родной действительно пытался, писал, видать, везде, но ничего толку не было от этого, уехал.

00:38:00

То есть он не знал, что отец живой, или знал, что он сидит где-то?

Он знал.

00:38:05

Он знал?

Он знал, он знал, что он сидит. Он знал, что куда-то его посадили, куда-то его посадили, где-то он сидит. Или, я не знаю, может быть, он знал. Вообще-то откуда-то, подождите, может быть, бабушки наши, бабушка Оля, Фрося, это еще тоже два экземпляра такие наши интересные, две бабушки были у нас. Может, они. Он писал, наверное, туда, и, наверное, они ему сообщили, что его посадили. И поэтому, значит, в 1953 году вдруг неожиданно приходит извещение, что наш отец возвращается, наш отец вернулся. Он говорит, это дядя Вася нам пишет: «Скоро вы увидите своего отца». А мы уже живем с Филиппом Васильевичем Пастуховым, мы живем уже. И, значит, действительно, вспоминая эту встречу, это ужасная была встреча. Отец приехал, меня Ольга Федосеевна, любимая учительница, вызывает: «Коля, ваш отец вернулся, он ждет». Я выскочил... Тяжело описывать это всё. Чуть не заплакал. Уши растопыренные, глаза, вот такой отец мой родной, господи! Я смотрю на него... Но всё равно не таким я ожидал его увидеть, я помнил с детства его таким... Всегда он «широка страна моя родная», сажал меня на плечи, мы ходили на демонстрацию, я помнил это всё. И вдруг отец весь полысевший, буквально лысый, уши торчат, глаза голубые, губы толстые, мой, не мой отец, и я зарыдал, убежал. Убежал от него, сорвался. Учительница бежит, весь класс за мной: «Куда ты, ты что? Это ж твой отец!» А я не могу, понимаю, испугался, не знаю, что, почему, что со мной случилось. А уже же тоже 15 лет, господи. И всё-таки все меня... Весь класс прибежал, я там плачу, рыдаю. «Иди, иди». Все со мной пошли к отцу, мы обнялись с отцом, отец обнял меня, [нрзб]: «Ну что ты так переживаешь, что ты? Всё, это я, я вернулся». А он даже не знает, что мы живем уже, у нас отчим. Пришли домой, маме сказали, мама бежит, хромает, она хромая, я рассказывал, на одну ногу, бежит, хромает, тоже прибежала взволнованная, все плачут, все режут. И Филипп Васильевич, он увидел, а Филипп Васильевич у нас был, я его так называл, никогда так и не назвал отцом, Филипп Васильевич, отчим, ну так, неплохой, но пьянчужка хороший, гуляка был, баб любил. У него нос был сплюснутый, видать, это или драки, или что-то. Был немножко приплюснутый, сплюснутый нос такой. Ну такой, небольшого роста, но так лицо симпатичное, за исключением вот этого носа. И вот мы все встретились, все режем, Филипп Васильевич, мама, отец, мы — Шурка, я, мой брат. Ну, посидели, отец привез с собой две бутылки вина, что-то еще, весь вечер просидели, проплакали, вспоминали. Ну и отец рассказывает: «Вот так и так, гнали нас на товарную станцию в Ростове, погрузили в вагоны, долго ехали, не знали куда. Привезли в Норильск, точнее сначала не Норильск, а Дудинка, Игарка. Десять лет терпел, что было, издевались, как хотели, труд неимоверный, страшный был, но я всё надеялся всё равно, что увижу Кавказ, увижу вас, всё равно мы соединимся. Я терпел все невзгоды, весь голод, все побои, всё. Ну вот, как отличнику производства, дали мне направление к вам, выбирать место». Пять лет [поражения] в правах положено было еще в то

время, пять лет [поражения] в правах, чертова власть! «И я, — говорит, — выбрал это место». Но не Вдовино дали, где мы жили, а рядом леспромхоз в 100 километрах, там заготавливали лес, гнали сначала на фронт, потом на восстановление народного хозяйства. И он приехал, рассказывает, всё это хозяйство, как отличнику производства, отбыл 10 лет, от и до, но никакого не добавили, ничего, как многим добавляли. А 70 процентов вообще умерли, там остались, в Норильске. Строили этот комбинат долбаный и так далее. Ну, просидели всю ночь, там он прожил у нас две недели, и Филипп Васильевич тут же, второй муж. Бабы по всей деревне, там же все холостячки, никого нет, мужей нет, всех поубивали, завидовали: вот у Угловой два мужа, ты смотри, второй пришел! Завидовали женщины. Ну а потом в последний день ему сказали, отцу: две недели только для встречи с семьей, а затем в леспромхоз в 100 километрах отсюда — и там пять лет [поражения] в правах, будешь лес свалить. Тут же, в этой области, в нашей Новосибирской области. И вот для последнего разговора собрались тяжелого: «Ну, с кем, Нюся, будешь?» Ну, тот сказал, она сказала, он сказал, все говорят. «Ну, я как мог — Филипп Васильевич говорит, — я помогал семье». Дал тоже, выжили немножечко от этого, всё, помог [нрзб], может, кто его знает. Ну, я скажу, с голоду мы уже бы не померли. Здесь я должен признаться, что уже у нас когда был свой дом, Ольга Федосеевна нам дала свой домик, и мы бы, конечно, с голоду не умерли бы уже. Ну, у мамы, наверное, предел терпения наступил всё-таки, ей хотелось что-то такого определенного, от отца нет известий всё-таки, она поэтому сошлась. Я ее только этим оправдываю, конечно, 10 лет всё-таки не знать ни вестей, ничего от отца, вот оправдываю, конечно. Ну, что сделать, мама есть мама. Ну и, конечно, согласились так, что он там пять лет отработывает, в леспромхозе, в Октябрьском, поселок Октябрьский, а мы, значит, мать переезжает к нему. Мать переезжает к нему.

00:44:30

К отцу?

К отцу, да, она всё-таки выбрала, сказала, что это ж отец, это всё-таки мой отец, говорит, то есть «это их отец, Филипп, прости меня». А Филипп Васильевич у нас, откровенно сказать, был очень работоспособный, работающий мужичонка такой, но гуляющий, баб любил страшно, он гулял от мамы налево-направо, несмотря на то, что уже жил с нами. А там все солдаты, он, так сказать, обслуживал всех солдаток. Ну, мама всё равно с ним, значит, вот это сказала: «Я уйду» — к отцу. Он заплакал, заревел что-то, Филипп Васильевич, и убежал. И мама уехала на быках к отцу. Уехала на быках, это был 1954 год, изверг этот умер, Сталин, как раз сообщили уже. Весна, и мы должны были к маме после окончания школы ехать, туда к ним, и пять лет там еще жить, в Октябрьском, в селе. Остались мы с Филиппом Васильевичем здесь, мама уехала. Филипп Васильевич, мой отчим, хотя и гуляка был, но я не знаю, для чего он это всё, он ужасно начал действовать на нашу психику. Старший брат еще как-то терпел, убежал сразу, а я не мог, я тоже реветь начинал, плакать начинал. Он бился головой в стену: «Матер, матер, куда ты уехала?» На меня это производило огромное впечатление. «Бросила меня!» — а сам напьется и пошел к бабам потом. Ну вот такой двойственный человек был. Я помню, конечно, я тоже предательство допустил, я написал матери письмо, вот это всё рассказал. «Мать, бьется он — говорю, — головой, в кровь разбивает голову, мама, а тебе? Так он бьется!» И послал ей тоже письмо туда. Ну еще какое-то было, тоже как бы, тоже мелкое предательство. Но дите еще был, можно сказать, 15 лет, что там, еще не состоявшаяся психика. И мама, значит, там пожила у него, и в один прекрасный день уже по весне, уже после смерти Сталина, приезжает опять на быках к нам. На быках к нам, всё, все тут сбежались колхозницы, подружки: «Что такое, Нюся, ты чего, что такое?» «А вот он — говорит, — на меня не обращает внимания, он не считает меня за жену, он не трогает меня». Ну вот мама так, ну что сделала, я даже не знаю. «И я приехала к Филиппу». А тут еще мое письмо, он там калякал, что-то писал, Филипп Васильевич неграмотный, два класса всего кончил. Я еще написал это письмо окончательно. Всю жизнь себя кляню, что я написал это письмо, не надо было. И она приехала назад. Короче, ей не захотелось, она говорит: «Дети, я не хочу еще пять лет жить в бараке. Мы живем там страшно, крики, вонь, драки. В этом бараке с отцом уже живем, там столько семей — и это пять лет жить! Нас освободили». А уже освободили нас, в то время уже как раз пришло освобождение. «Я поеду, я не могу, я еду на Кавказ». И вот мама сдалась, ну и мы, конечно, раз мама едет, мы чего? Отец говорит... Ну, последнее свидание было, мы пошли к нему, эти 100 километров прошли пешком, с Шуркой, с братом, пришли к нему, и мы говорим: «Вот так и так, мы уезжаем на Кавказ». И он говорит: «Я всё равно через пять лет приеду к вам, приеду». Мы-то не знали всю историю, почему мать уехала от него. «Я приеду к вам, всё равно мы постараемся вместе зажить». И мы там пожили две недели у него, в леспромхозе в этом, тоже пьяные драки, всё это я описываю в книгах, тоже там бог знает, там и зеки, там и тюремщики настоящие, всякие же были, политические были и уголовники же, полно их там. Там несколько драк было, всё это неспокойно. И мы оттуда уезжаем, нас освобождают, и мы едем на свой Кавказ с Филиппом Васильевичем, с Пастуховым, вот такое дело. Приезжаем на Кавказ. Перед этим, значит, его тоже освободили, Филиппа Васильевича, еще раньше немножко. Там четыре года ему давали. В Липецке останавливаемся, в Липецке на шахте у него родные, приезжаем к нему, родные там живут тоже в бедности. И он, а он пьяница был, он начинает день и ночь квасить с родными. Отец, мать, там все пьяницы, все пьют, и пьют, и пьют. Неделя-две

проходит, он всё никак не хочет уезжать. Мать говорит: «Я тогда одна с детьми уеду». Ну, в общем, еле-еле собрались, уезжаем в Кисловодск, приехали всё-таки через две недели в Кисловодск. А мама к тому времени от него забеременела, от Филиппа Васильевича, и родила. Мы с месячным ребеночком, Сергея Пастухова, вот этот месячный ребеночек, мы с ним в ванной, в ванночке в этой его везли, приехали сюда, в Кисловодск. Возвращаемся, дом нам не отдают, несмотря на то, что мы как бы сыны врага народа, он же враг народа, отец, был, считался, да. И нам... Вроде освободили, Хрущев молодец, всю жизнь благодарен этому Хрущеву я, но дом не отдают, как обычно, местные власти тянут. И мы куда поселяемся, а у нас же дом был на Овражной, напротив этого госпиталя, где мама работала санитаркой. Нам не отдают, там поселились, жили какие-то два пьяницы буквально, муж и жена, тоже квасили целый день. Потом, когда их выселяли, я с большим удовольствием посмотрел, как их... Они пьяные, орали, кричали, их выселили. Через год только выселили, и нас приютила ее сестра, двоюродная сестра Катя Колпакова, и вот мы у нее там начали жить. Первое время там, потом еще у Фроловых, потом еще три квартиры или четыре поменяли. Первый год был тяжелый ужасно в Кисловодске, ходили на гору Кабан, там у нас гора Кабан, наверху. Сказал сосед, там трактористом работал: «Там, — говорит, — картошку мы сажаем, убираем, там полно картошки остается. Вот вы ходите там и ногами выбивайте ее». И мы первый год там навывивали 16 мешков. Ходили, отсюда несешь, уже маленький, вот Филипп Васильевич, я, Шурка, эти мешки с картошкой с горы, а это на 500 метров, считай, выше. Ноги дрожат, вот так иногда как ахнешь, упадешь — и картошка рассыпалась вся. Собираешь по одной, ночью уже. И более того, значит, картошки натаскали 16 мешков, жили уже на квартире у Старковых, у Фроловых, и еще нам разрешили свинью держать даже. На эту картошку. Ну, в общем, начали жить здесь в Кисловодске, 7-я школа рядом, начали ходить в школу в 7-ю, все надо мной, все над нами издеваются: в лохмотьях, в заплатах, такие страшные, нелепые, неуклюжие. Шурка не выдержал и бросил школу, 9-й класс, 10-й. А я в 9-м начал — терплю, надо мной все смеются, все издеваются, я терплю, кидаюсь в драку, 146 рост, 40 килограмм вес, замухрышка. В 9-м классе 40 килограмм вес, замухрышка. Учитель физкультуры видит, что я реву, плачу, кидаюсь и дерусь — а брат не выдержал, — меня отозвал в сторонку как-то один раз. «Коля, — говорит, — я вижу, ты очень переживаешь, но ничего, я сам мастер спорта». А он здоровый был, Кадуриин Валентин Яковлевич, учитель физкультуры. Он, видать, что-то такое, диск метал или я не знаю, легкоатлет был явно. Он говорит: «Вот занимайся для начала, походи в парк, там вот, [где] вы живете, там есть сучки всякие, найди их, занимайся висами, виси, вытягивай свой позвоночник. Виси, сколько сможешь, одну минуту, не сильно, потом две минуты, три минуты, добавляй висы, висы, висы, висы. Потом начинай заниматься спортом. Вот у нас площадка, приходи сюда, начинай. Все смеются над тобой, схватишь этот баскетбол, мяч, и бежишь к ним, его же надо бить, а ты бежишь и стараешься попасть. Еще и кидаешься в драку. Баскет надо же каждые два шага...» Ну и так далее, меня он начал учить спорту, я начал заниматься спортом. Сначала висел, потом начал вообще заниматься. И вот что хочу сказать, что когда через... Это был 1957 год. Когда через 10 лет приехал, меня встретил Кадуриин на ростовском стадионе, я стал чемпионом края в беге на 10 тысяч метров, на 10 тысяч метров, он сначала не узнал. Вообще, я уже стал высокий, 181 [сантиметр] рост, 181, а был... И он аж заплакал: «Неужели это ты, неужели?» И он плачет, это же его тоже заслуга, что он меня заставил спортом заниматься. Я действительно начал заниматься спортом, потом постепенно всё больше, больше, больше, двухразовые, трехразовые тренировки. Потом каждый день стал заниматься, настолько увлекся бегом на длинные дистанции. И стал мастером спорта в беге на длинные дистанции. Мастер спорта. В 1971 году. В 1971 году, правда, не сразу, в 1967-м я был только чемпион края. Даже книгу написал «Жить без болезни», про это свое восхождение в спорте. Вот я честно считаю, что я потом стал инженером-строителем, а инженер-строитель и мастер спорта для меня практически равное, настолько... Потому что здесь столько ножек я побил, 120 тысяч километров пробежал. У меня дневники сохранились, я тренировался и записывал в дневник, всё мне рассказывал Кадуриин, как делать. Набралось в соревнованиях и в поездках во всех 120 тысяч километров, то есть три раза вокруг земного шарика обегал своими ножечками. Ну, что дальше?

00:55:11

Отец, в какой-то момент он снова появился у вас? Он же остался там?

Отец остался там, и через несколько времени, буквально через год, получаем письмо от тети Дуси. Он сошелся с женщиной там, Дуся хорошая женщина, кстати, потом я ездил в Новосибирск к ней, два раза были у нее, потом на третий раз она уже умерла. Он сошелся, очень хорошая женщина, спокойная такая. И она сообщает, что отец со своей бригадой, семь человек бригады, упал кран и убил пять человек из бригады, и отца убило тоже, стрелой убило, стрелой убило пять человек. Я говорю, мучился-мучился, страдал, сколько говорил, что «всё равно я увижу свой Кавказ» — не получилось. Убило его, мы плакали, я помню, я тут описываю тоже, что я ревел, плакал, хотел туда уехать навечно, в Сибирь, назад опять. Всё мне не нравилось сначала здесь, а потом... А тетя Дуся, его новая жена, когда его убило, она оказывается, уже была беременна, четырехмесячная, четыре месяца у нее было. И отец не знал даже об этом, что у него будет еще сын. И она назвала в честь меня Колей тоже его, Коля.

В честь меня два Коли теперь: еще один Коля у нас внук. Ну вот Колей назвала его, весь в отца, пухлогубый, голубые глаза, чуть растопыренные уши. Потом мы встречались с ним. И он там остался в Сибири с этой тетей Дусей, с матерью своей, жить. Мать так и не вышла ни за кого, воспитывала его. Ну, Сибирь есть Сибирь, и Коля, когда я приезжал туда, Коля уже поддавал капитально, поддавал уже здорово. Хороший такой был, добрый парень, мы несколько раз с ним встречались, а потом от Инки получаю, от его жены, получаю известие, что Коля в 60 лет умер. Вот она, пьянка, до чего доводит. Так что Коли нет уже, вот такое дело.

00:57:29

А отчим Пастухов, как он прижился на Кавказе?

Отчим Пастухов поступил сразу плотником, он хороший был плотник. У нас больница здесь, у нас вот больница старая, сейчас это Брынцаловский дом так называемый, с колоннами, а в то время это была горбольница, и он там был плотник. Он начал потихоньку воровать доски, мы ночью приходили и эти доски... Он говорит, надо нам, домик-то маленький, когда нам вернули уже хату. Через год нам вернули, я забыл сказать, через год всё-таки. Писала мать везде, да, она писала везде, а потом плачет, я говорю: «Мама, ты, наверное, не так пишешь, что-то такое». Она говорит: «Ну напиши ты сам, ты же вечно лезешь везде». И я написал Климу Ворошилову письмо, как вот есть песня «Климу Ворошилову письмо я напишу», точно! Я ж пел эту песню в свое время. Я взял так и написал: «Москва, Крым, Климу Ворошилову». И написал: «Вот мы вернулись, нас освободили, мы не виноваты, мы живем, нам не отдают дом». Не знаю, может, даже мое письмо помогло: буквально через месяц нам вернули дом. Ну а всего без дома мы жили на квартирах больше года. И вот мы в своем доме жили, и Филипп Васильевич говорит: «Надо пристраивать». И начали, он плотник, ночью заготавливал там доски, через подпорную огромную стену, я хожу, она сейчас сохранилась, так ахнет, скидывает нам по две доски, мы возьмем с Шуркой — и пошел. Через центр города, это центр города же, и аж на Буденовку, аж на улицу Овражную таскали эти доски. В то время не работало, чтобы можно было купить цемент, кирпич, лес, не было такого, не было. Люди не строились, ничего нельзя было построить, всё воровали потихонечку или что-то как-то так вот делали, месили сами. И мы со временем там намесили с земли, назывался саман у нас, и мы саман с глиной [мешали], туда солому, и Филипп Васильевич сделал кухню летнюю, а уже доски мы наготовили. Старое железо где-то там содрали и сделали кухню потом, со временем. Он прижился, также успешно начал гулять от мамы, то с одной, то с другой, то с третьей — такой человек. И дожил до 85 лет, хотя пил, гулял. И в последнее время, уже я когда стал уже начальником домостроительного комбината, конечно, что ж, я не мог ему помочь? А он жил, когда уже продали этот домик их, маме я однокомнатную квартиру дал, а ему, они продали этот домик, и однокомнатную эту квартиру, потом я благоустроил, и пристроечку, помог ему газ провести и так далее, он жил там один уже на Хасановской, в этой квартире. Ну, один он жил, но с мамой дружил, он приходит, принесет, мать его выгонит, то гнилой картошки, то гнилого лука, то поругаются в конце опять, опять ушел, опять пришел, опять она ему звонит. Вот такая любовь, непонятная.

01:00:41

А ребенок-то от него, брат же, брат родился от него?

Да, брат от него родился, Сережа Пастухов, они всё внимание, конечно, сосредоточили на него, нас побоку, будем так говорить. И Шурка был вынужден уехать в Нижний Тагил, поступает в институт, сначала в техникум, а потом институт такой же, горно-металлургический, потому что большая стипендия в Нижнем Тагиле, общага своя, ничего не помогали ему. Точно так же я по его пути поступил в Липецкий горно-металлургический техникум сначала, а потом в Орджоникидзевский горно-металлургический институт, который я так и не закончил, а перешел в Ростовский инженерно-строительный, потеряв два курса. Нам не помогали, мы сами крутились благодаря большой стипендии, а они всё сосредоточили внимание на нем, ну он так уже весь в отца, вот недаром говорят «семья отца». Так же выпивал, с 14 лет начал гулять с девчонками, под скалами там прятаться. Мы жили на Овражной, там были скалы и пещерки, и вот он там гулял с девчонками с 14 лет. Кинотехникум кончил, но киномехаником не стал, ну и, откровенно сказать, никем не стал. Вот что значит отец, не то, не то семья, не та кровь. И сейчас он в Кисловодске сторожем где-то работает, не особенно мы знаем, будем так говорить. Ну вот такой вот необразованный человек.

01:02:10

Реабилитациями кто занимался? Реабилитацией отца, реабилитацией матери, собственной реабилитацией вы занимались или мама занималась, как это было уже потом, вот уже современное, сейчас?

Ну реабилитация ни отца, ни матери... Единственный — дядя Вася, вот это он был директором

рыбзавода в Южно-Сахалинске, я говорил, дядя Вася партийный был, один из братьев, вот он писал везде, во все инстанции, он не боялся, не боялся, что его привлекут, что отец такой-то, враг народа. Но те два погибли в 1941 году, Иван и Петр, в 1942 году. А реабилитация отца так и не... Он эти пять лет поражения в правах не отбыл, его убило краном же там. Он отбухал все 10 лет на Норильском горном комбинате, так и отбыл. А потом, когда нам возвратили дом, тоже никто особенно реабилитацией не занимался, никто ничего не писал, дали документы, что всё, мы чистые, но по-настоящему, по-настоящему, будем так говорить, только в 1944 [1994] году, значит, Ельцин освободил. Вот это удостоверение, наше удостоверение, что мы реабилитированы. В 1994 году мы свободны стали. Я как жертва политрепрессий, вот в 1994 году. А так до этого, ну, ничего. И вот дали пенсии многим — 1200 рублей, но я не получал ни рубля по этому удостоверению, потому что я получал как ветеран труда, вот у меня ветеранское, как ветеран труда. Я 45 лет отработал в домостроительном комбинате, где прошел путь от разнорабочего до начальника. Поэтому я получал 1200 рублей, там тоже 1400, и сейчас получаю копейки, 1500, по-моему. А вторую льготу не давали, вторая льгота у меня — репрессированные, но я откровенно скажу, что первый раз я получал несколько месяцев как репрессированный, а потом пришел, уже я был начальником, я здесь не последний человек был в городе, со мной очень считались, честно говорю, тем более мастер спорта был уже, и писал я везде, все знали, все друзья были коммунисты, все друзья у меня такие, наравне, и председатель исполкома, потом первый секретарь, второй секретарь, все любили, уважали меня, честно говорю. И он мне говорит: «Ты лучше перейди, давай мы тебя переведем на ветерана труда, потому что репрессированный, кто его знает, хрен его знает, кто придет к власти еще у нас в России». Я говорю: «Да ты что, опять кагэбисты, думаешь, придут?» «Ну всё может быть, — говорит, — и отменят эти льготы, а ветерана труда едва ли отменят». И я перешел на ветерана труда, доплату эту долбаную получаю, 1500 рублей, ерунда. Я за книги сейчас больше получаю в несколько раз.

01:05:08

Мама успела стать реабилитированной или нет?

Конечно, мама реабилитированная стала, она получала к каждому девятому числу. Она же два года отработала в госпитале, вспомнили за нее, что она трудилась, что она стерла пальцы свои, там тоже прачка стирала километр гнойных бинтов, когда еще там были наши солдаты, лежали офицеры. Мы ж, Кисловодск 600 тысяч вылечил бойцов Красной Армии, 600 тысяч, 30–40 тысяч, правда, умерло здесь, осталось на наших кладбищах похоронено, а остальных вылечили мы, Кисловодск. И вот она два года в госпитале отработала, и это вспомнили всё, и ей каждое 9 мая подарки привозили, особенно при Ельцине так вообще, всякие наборы суповые, наборы, молоко стуженное и так далее. То есть она была в почете, медалей у нее — ветеран войны, то есть не ветеран войны, а как называется, — у нее штук пять или шесть.

01:06:12

За доблестный труд.

Ага, да-да, вот таких вот, и как ветеран, и как за доблестный труд. Она трудилась всю жизнь, ну, простым человеком, то прачкой, то занималась... Потом поваром работала, потом в больнице работала, везде, то есть всю жизнь трудилась тоже до конца, но уважаемый была человек, на всех ее приглашали, как на 9 мая, на все вот эти, собрания тут проводили. Она ходила, она любила это всё. [После вырезанного] Может быть, благодаря спорту тоже, может быть, в том числе. Ну и много значат еще, конечно, говорят, гены, кто его знает, если б отца краном не убило бы, может быть... Кто его знает, сколько отец... Всё-таки он вытерпел всё это тяжелое время. Да и мама — долгожитель, тоже 85 лет прожила. Гены на первом месте, я всё-таки считаю, я смотрю, спорт — и спорт, несомненно. Надо собой заниматься, обязательно собой надо заниматься.

01:07:28

Я попросила бы вас представиться полностью — фамилия, имя, отчество; фамилия, имя, отчество отца и когда он родился, год рождения, если знаете; фамилия, имя, отчество мамы и тоже год рождения, если помните.

Я Кузнецов Николай Владимирович, родился 26 июля 1938 года в городе Кисловодске. Мама — девичья фамилия Углова, Анна Филипповна, 1915 года рождения. Отец — Кузнецов Владимир Иванович, 1906 года рождения. Родился в Георгиевске отец, а мама родилась в Кисловодске.

01:08:14

Вдруг по семейной истории вы знаете, как отец с матерью познакомились, есть ли какая-то история их знакомства? Где и как это произошло?

Истории знакомства, кстати, нет у меня, я даже не знаю, как... Отец когда переехал с Георгиевска сюда, каким-то образом, не знаю, его взяли на строительство санатория Орджоникидзе. Тогда строил Серго Орджоникидзе, он приезжал несколько раз, сам Серго, сюда. И его взяли сюда, он, видно, был уже, даже не знаю, откровенно сказать, может, кончил какой-то строительный техникум, или что-то такое, или училище. И его взяли когда десятиником туда, и вот он познакомился с мамой. А как познакомился, я, правда, не знаю этого. Но должен сказать, что Капитолине Ивановне, это мать моей мамы, бабушка, он ей не нравился, мой отец не нравился. Она всегда считала, что дочка ее лучше, красивее и не особенно заслуживает такого мужа, как всегда наши мамы считают, но ничего, так жили они вместе, в одной семье, на улице Революции, 116, ну, отец терпел всё это вот. Капитолина, она была строгая женщина, там командовала в семье. Как познакомился, не знаю.

01:09:36

С какого возраста вы себя помните? Если вы можете, [расскажите] свои первые воспоминания. Это может не касаться репрессий совершенно, просто с какого момента вы понимаете, что вы это вы, как вы себя помните?

Вот удивительно, все говорят, что человек помнит себя с четырех, с пяти лет и так далее, а я себя помню буквально с двух лет. Вот с двух с небольшим лет. Это был 1941 год, а я 1938 года, 1941 год, это была весна, это был где-то апрель или май месяц, начало, скоро война, 1941 год. Мне третий год всего-навсего идет. Отец... Мы жили на Революции улице, а Революции — это самая концевая улица в Кисловодске, крайняя, можно сказать. И там была так называемая Свиная балка, Свиная балка, и в этой Свиной балке был лес в то время, и отец корчевал пни ходил. В то время в городе не было ни газа, ни угля, конечно, все вырубали леса откровенно, кто ночью, кто когда-то. А отец корчевал пни ходил в эту Свиную балку. Сейчас в Свиной балке в этой нашей это одно из главных кладбищ, там всё вырублено, всё чисто, главное кладбище. И вот я вспоминаю, что отец роет, вырывает эти корни, стоит внизу, а я на тропиночке стою над ним и смотрю, как он работает. И вдруг страшный удар мне в спину, я лечу метра на четыре вниз, ору, кричу! А это оказывается, отец вскакивает, а это, оказывается, козел шел с гор, ведет стадо, я стою маленький вот такой вот, два с половиной года, и он меня как долбанул! Ну уже около трех лет мне было, 1941 год, почти три года. Это в мае месяце, видать, было это хозяйство, а я в июле, да? Почти три года уже. И вот это я помню, как козел меня саданул и я полетел вниз.

01:11:40

Какую-то жизнь семейную до репрессии, что-то помнится? Или обед семейный, или вдруг... Еще тогда не встречают новый [год]... По-моему, уже к войне начинают разрешать встречать Новый год. Что-то из жизни до репрессии, есть какое-то семейное воспоминание?

Конечно, этот же трехлетний год, 1941 год, когда мы на май, на 1 мая с отцом шли на парад. И вот, значит... Да, вот это еще, наверное, важнее. Может, первое было, а может, козел этот стукнул, я не знаю. И вот на параде, когда отец посадил меня на плечи и поет «Широка страна моя родная», идем в парад, и вот этот момент запомнил. Ой, мне так понравилось! Люди, флаги, все кричат, и отец поет, и я с ним что-то визжу, кричу, хлопаю в ладоши. Я говорю: «Следующий год ты меня тоже поведешь на парад». А следующий год был уже всё... Вот это я помню. А так, чтобы... Вот единственное, что собирались в саду, спорили тоже, вот это тоже чуть-чуть помню. Что четыре брата, самовар, и вот собирались они, спорили, вот это тоже. Вот, по сути дела, я помню всё уже с двух с небольшим, вот такая феноменальная память у меня, честно говорю, не хвалюсь, с двух — двух с половиной лет уже помню всё это хозяйство. А говорят, что с четырех лет, да? Или как? Бывает и раньше, наверное.

01:13:13

Лев Николаевич Толстой писал, что он помнит, как его пеленали.

Да вы что? Вот это я не знал.

01:13:23

Во время университета меня это поражало. У него в дневниках, он записывал, что он помнит.

Вполне возможно.

01:13:30

Самое первое воспоминание, что...

А это всё, знаете, наверное, как сказать, от темперамента человека... Я очень возбудимый человек, очень возбудимый, несмотря на эти годы, я иногда возбуждаюсь по каждому поводу. Вот вы знаете, есть у меня это. Не знаю, от этого, наверное, восприимчивость — или как назвать, не знаю.

01:13:51

Тогда странный такой вопрос. Вот вы говорите, что с двух, почти, ну, с двух-трехлетнего возраста вы себя осознали, что это вы. Вот этот вот человек, которого вы осознали, он сильно менялся за жизнь? Или вот этот вот... Вы остались собой до сегодняшнего дня или вы на сегодняшний день совсем другой человек? По внутреннему, собственному ощущению, как вам кажется?

Ну, естественно, стал взрослый и всё по-другому немножечко мыслишь, но основное — характер, внутри, вот эта радость, возбудимость... Я вспоминаю себя в детстве, когда я бегал, тушил пожары. Никто, я первый вскакивал — и в лес побежал тушить пожары, всех за собой. То есть вот это я любил как-то, откуда-то у меня организаторские способности, наверное, или что такое, не знаю. Да, на всю жизнь осталось, несомненно, с детства это. Кто-то был спокоен, что-то такое, драться не хотел, я обязательно дрался. Если переплыть пруд не хотел, допустим, я первый, честно говорю. Это вот осталось у меня, лидерство маленькое какое-то, осталось всё. Мне кажется, в человеке, как зарождается он, черта с два, ничего не меняется. У многих или, может быть, даже у всех.

01:15:10

Душа даже.

У меня вот всё так же. Как нас выслали когда, да? И вот я сидел, для меня было очень стыдно писать, какать, извини, на виду у всех людей. Вот это осталось. В вагоне. И мать, я помню, там дети раз — ходили, без всякого. Взрослые, конечно, ночью. Она мне, пока я реву, пока она мне простыней там не загородит... Я говорю: «Мама, загороди!» А напротив Стелка Невская была, у меня уже была в то время, была к ней симпатия такая, симпатичная девочка, курчавая. Как я при ней буду писать? И вот она мне загородит этим, и вот я тогда там пописаю в туалет, в этом вагоне. Это сколько же мне было, четыре года? А, нет, шесть лет уже было, господи, 1944 год. Но всё равно вот это осталось, и осталось вот это увлечение женщинами на всю жизнь, между прочим.

01:16:07

Проводы отца в армию, когда он уходит, помните?

Конечно. Конечно, конечно. Проводы, значит, когда отец сказал «Я ухожу», на третий буквально день, а мать кинулась: «Ты чего, что ты? Призовут еще, не спеши, ты что? Мы надоели тебе?» Ну, скандал, немножко она так была, мама, тоже возбудимая, кстати, тоже очень возбудимая. Я весь в нее, ее характер. Начала реветь, хватать, ругаться, но всё-таки он уходит. И на товарную станцию, когда их там всех привезли... Или колонной они пришли, я уж не знаю, ну и мы пришли провожать. И этот момент, конечно, помню, когда кинулся согнутый такой немножко отец, в форме, в фуфайке, в сапогах. Когда вызвали — «Углов!», он говорит: «Я!» Вышел, значит. Кузнецов, то есть. И он вышел со строя, потом шаг назад, шаг назад. И вот этот момент я запомнил. И я, когда заиграла музыка, духовой оркестр, их начали погружать в вагоны, и я понял, что папка уходит навсегда. Я зарыдал, заорал: «Папа, не уходи!» Кричать, плакать начал, орать. Меня оторвали от него, отец поцеловал, мокрый, тоже плачет, слезы, вот это я запомнил.

01:17:29

Он был в гражданском или они уже были переодеты?

Нет, они были все в гражданском, кто в чем, кто в чем, в фуфайках, кто в сапогах, кто в ботинках, кто в брюках, ну и так далее.

01:17:44

Я правильно поняла, что он всё-таки был в действующей Красной армии, или он был ополченцем? В ополчении в итоге воевал или красноармейцем?

Ну, конечно, красноармейцем он был, красноармейцем, несомненно. Потому что его бы не назначили бы, мне кажется, не знаю, может быть, я ошибаюсь, конечно, но его едва ли бы назначили. Потому что он писал, как-то матери написал всё-таки письмо, там одно или два было письма, и вот я запомнил фразу одну, он говорит: «Я командир взвода пулеметчиков,

стреляем по одиночным немцам, но и по более крупным целям». Что это такое, я так и не понял. Тяжелые, командир взвода тяжелых пулеметчиков, есть такие? Станковый пулемет «Максим» был, по-моему, и всё. Может, еще какие-то были. «Но и по более крупным целям». Вот этот пулемет Дегтярева, может быть, вот это было еще. Может, помните, горизонтальный круг такой, «дегтярь», которым били танки.

01:18:50

Какие-то письма отца с фронта сохранились?

Ничего не сохранилось.

01:18:56

Но они были или не было?

С фронта было одно или два письма всего-навсего.

01:19:03

Мама его читала вам вслух или вы просто знали, как дети, что пришло одно письмо? Или вслух не читала?

Нет, мы читали, естественно, все, прочитали, читали мы. Но вот мама когда умерла в 1985 году, у нее там было столько всего, что я даже не знаю, может быть, Сергей взял, может быть, Александр. Ну было у нее мало совсем, два письма было с фронта, одно или два. Два, два всё-таки было, два с фронта, когда он вот это написал. И одно письмо было с Сибири, когда уже здесь ему дали поражение в правах на пять лет, и вот он написал, а мы всё никак не отвечали. Вот такое дело.

01:19:53

Когда встречались с отцом уже, всё-таки вам 15 лет, какие-то рассказы о плене были? Он рассказывал, как это — быть в плену? Или это вообще такая вырванная тема была?

Вот насчет того, что он полгода был в плену в Ростове, как легкораненый, потому его в ногу ранили, обмороженные пальцы ног, отняли у него. Вполне возможно, я не знаю, ничего не говорил он, вполне возможно, что их привлекали на какие-то легкие работы. Полгода всё-таки. А немцы же могли, какие-то укрепления строили или что-то такое. Вполне возможно, я не буду утверждать это, но об этом отец никогда ничего не говорил и мы никогда не спрашивали его. Просто у меня тут много было знакомых — и полковники, генерал даже один. Говорит: «Ну, вы знаете, как это вас сослали только?» Я говорю: «Да не только нас. Извини, тут две тысячи человек только с Кисловодска, а всего десять тысяч с Кисловодска сослали». Ну, знаете, недоверие: так бы ни с того ни с сего. Я говорю: «Ну он офицер Советской армии, офицер Красной армии был, вот и всё». Даже рядовых ссылали, а что вы хотите, офицер есть офицер. Вот такое дело, поэтому... То, что я сказал, — Сталин сказал: «Пленных у нас нет, есть предатели». Его предателем обозначили, вот и всё. А могли и расстрелять спокойно, сколько уж погибло и пленных, и всяких. За время войны было шесть тысяч, шесть миллионов пленных, около шести миллионов за всё время войны, начиная с 1941 года.

01:21:33

Когда вы рассказывали, вы сказали, что из Кисловодска уже вывезли карачаевцев, уже вывезли балкарцев, депортировали. На ваших ли глазах это происходило? Это как-то в семье обсуждалось или вы, дети, вообще к этому... Не замечали этих депортаций?

Мы не замечали, естественно, ничего не замечали, мы игрались, господа, в костыли. Помню, мама в госпитале работала, я когда побывал у нее, там увидел этих всех забинтованных, я сразу бинты принес, мама мне дала, я весь был забинтованный, Шурку тоже бинтую, то ногу, то... Ну мы игрались, то костыли себе придумали и так далее. То есть мы вот этой высылки в 1944 году не замечали, карачаевцев. Единственное, потом всё со слов мамы много у меня в книге написано, очень много. Я потом, когда почувствовал, думаю, надо всё это описать всё-таки, всё-таки такая жизнь у меня вообще, будем говорить, очень интересная жизнь была, надо описать. И я ее спрашивал, спрашивал, мы сидели вечерами, я записывал, записывал, записывал всё. И она мне рассказывала, что когда карачаевцев выслали, первых, в 1944 году, в 1943-м их выслали, а в 1944 году нас уже выслали, и она говорит, участковый Салов — участковый был такой, Салов фамилия — домогался ее. Она была красивая женщина, одна, одиночка, 28 лет ей было, он домогался ее, откровенно сказать, она говорила. Ну вот, больше

ничего она не говорила, было ли, не было у них что там. Ну и говорил: «Углова, если что, ты давай собирай тысячу рублей мне, тысячу рублей, я прикрою. Вот сейчас карачаевцев выслали — и следующие будут уже все подозреваемые, все подозрительные, которых очень много в городе, мы составляем уже списки, тысячу рублей давай». Она всё не верила, говорит: «Да как, ну карачаевцы, а что? За что народ-то этот выслали, ну за что?» Он говорит: «Ну как, они встречали немцев на белом коне с буркой и так далее». Кто-то там встречал. Она говорит: «Ну я слышала это тоже, ну встречало несколько человек их там». А их там было, оказывается, у карачаевцев всего 440 [нрзб] главарей, всего-навсего 440 человек, а остальной народ за что сослали? «Ты, — говорит, — Углова, молчи, а то я тебя тоже, значит, не буду... Ты вот собирай тысячу рублей, я тебя прикрою, прикрою и всё». А мать говорит: «Откуда?» Она там получала копейки, в госпитале работала, двое детей, какие там тысячу рублей, в то время это огромнейшие деньги. И нас вот, он, видать, списки подал — и всё, выслали нас. Мы не знали, что выслали, потом узнали всё.

01:24:19

Периодически в рассказе возникают фамилии Кузнецов и Углов. У мамы фамилия девичья Углова, правильно?

Да, Углова, да.

01:24:28

Просто я когда к вам еду, мне Музей истории ГУЛАГа дает героя, которого представляет мне Углов Николай Владимирович. Сейчас вы представляетесь как Кузнецов Николай Владимирович.

Да-да, Кузнецов Николай Владимирович.

01:24:44

Так Углов или Кузнецов?

И тот, и тот.

01:24:48

Расскажите.

Покажу, вот они, удостоверения, тут есть. Значит, я когда ушел на пенсию, я всё время был Кузнецов и, откровенно [говоря], работал, дошел до начальника ДСК, извините, все панельные дома в Кисловодске, не только в Кисловодске, в Эссентуках, в Архызе, в Учкеекене, ближайшие дома... В Архызе — два, в Учкеекене — три, а в Черкесске — 12 общежитий завода, в Буденновске, это я строил всё, с моей помощью, будем говорить, не я своими руками, но будучи начальником. И я скрывал, что я такой-то, репрессированный, ссыльный, всё скрывал до 1994 года, до Ельцина, когда нас уже реабилитировали, когда пошла правда. И, конечно, я скрывал. «Отец погиб на фронте» — везде в автобиографии писал: «Отец погиб на фронте». Я скрывал. Я тут, когда уже открылся, именно в этом. И вот когда я уже подал документы, уже 1994 год, всё открылось, мне говорят: «Давай, такие журналисты, коряво пишут, а ты так, Николай, пишешь, давай, поступай». И вот собрал эти статьи свои, подал все документы, и говорят: «Псевдоним обычно [нужен]. Можешь не выбирать псевдоним, но лучше псевдоним. Ну, Кузнецов, знаешь, фамилия: плюнь — и каждый Кузнецов, как и Иванов. Выбери себе хороший псевдоним». Я говорю: «А чего мне выбирать? Отличный псевдоним, мама Углова, Углова — это более-менее редкая такая фамилия». И Углов выбрал фамилию. Вот так вот пересеклись, стал Угловым.

01:26:18

Правильно ли я понимаю, что мама получила такой статус, как ЧСИР — член семьи изменника родины, или нет? Или она не была ЧСИР, то есть формально ее высылка как аргументировалась?

Вот член [семьи изменника родины] первый раз слышу.

01:26:39

ЧСИР — не знаете такого?

Нет, не знал, да.

01:26:41

Ну, в документах писали, аббревиатура ЧСИР — член семьи изменника родины.

А, не знаю, не знаю, ей богу, не знаю. Вот это я не отвечу ничего. Просто выслали нас, я же говорю, 40 вагонов, с Кавминвод только. А может быть, даже это не один раз было, может быть, не один раз. Нас собирали целую неделю здесь по всем городам, 40 вагонов по 50 человек, грубо говоря, в каждом. А может быть, еще было, это помимо карачаевцев.

01:28:38

[После вырезанного] Вы сказали, еще бабушка живет, нет? С вами. Вот мама...

Нет, это я, когда Капиталина, это мама мамы, бабушка, вот я имел в виду. Она умерла сразу же, в 1943 году умерла.

01:27:21

То есть высылаются только женщина с двумя детьми, правильно?

Да, да.

01:27:27

Никакая бабушка с вами не едет?

Да, да, да, бабушки уже не было.

01:27:30

Уже никого нет?

Уже не было, да. И сестра еще Валечка была у меня, она тоже от крупозного воспаления легких умерла, тоже в 1943 году, они вместе с бабушкой как-то одна за одной. Сестра еще была у нас.

01:27:44

Это происходит до депортации?

До депортации, естественно, естественно.

01:27:50

Отца фотография сохранилась?

Есть, есть.

01:27:54

Хорошо. Подробнее, как... Вы начали рассказывать, как вас выселяют, как пришли солдаты. Что вы с собой взяли, как вы были одеты, когда вас погрузили в этот грузовик, какие там семьи, знакомые это семьи, не знакомые, еще подробнее можно рассказать?

Да, когда раздался стук 31 августа 1944 года в наши ставни, когда ворвались эти два штатских — и два на улице еще были, и рядом стояла полуторка, в ней уже были четыре женщины с детьми — и они когда начали орать, кричать, матюкаться и так далее: «Собирайся, вас высылают в Сибирь». Ей сказали: «Собирай самое ценное, самое теплое». И мама, конечно, начала в простыни заворачивать что-то, сама ревет, сама плачет: «Меня за что, за что? Я же два года работаю уже в госпитале». А они там: «Хватит тебе, собирайся, сука, а то сейчас задушим тебя и твоих щенков». Буквально так. И мама, конечно, собрала всё, что могла, теплое, все свои золотые безделушки взяла, кольца были, несомненно, у нее, потом сережки были, колечко, одно, два или три. Кстати, я забыл сказать, что в первое время, первый год, еще тоже спасли, выменяли там у сибиряков, немножечко спасало от голода вот это. И всё, собрались, в машину полуторку посадили, привезли — в какой одежде, в чем собрали, это было в августе, не так уж холодно было, тепло было — и в вагоны затолкали нас, и всё, и пошли.

01:29:30

Вы что-то свое взяли, какую-то свою вещь? Что вы несли в руках? Или просто тюк мама вам дала? Или ничего не несли?

Ей-богу, не помню, вот это я не помню.

01:29:39

На сколько лет ваш брат старше вас?

На три года, 1935 года он, 12 сентября 1935 года.

01:29:50

Когда вы приезжаете, и вот это... Ну, вот вы подробно расписали эту жизнь в ссылке, помните ли вы, ходила ли мама отмечаться куда-то, нужно ли было ей отмечаться?

Естественно, каждую неделю, каждую неделю в комендатуре отмечалась она. Все ссыльные каждую неделю отмечались в комендатуре. И побеги тоже были там. Казарезова, я описываю тоже в том числе, Казарезова у нас убежала, когда увидела, что это ад, нас повезли в ад крошечный: холод, голод, вши и так далее. Раз, правда, в полгода нас сводили в баню, всё, один раз сводили. И она убежала, Казарезова, пряталась по лесам с двумя детьми. Я вообще удивляюсь, это была такая смелая женщина! Она с самого начала проклятья орала: «Сталин ваш изверг!» И она убежала. Как она добралась до Новосибирска, я не знаю, но говорят, потом уже мама встречалась с ней, уже здесь в Пятигорске, она пятигорская была, и она встречалась с ней, говорит: «Добралась, я пряталась по лесам, по полям, потом в товарняк забралась с детьми и доехала сюда». Приехала сюда, каким образом, не знаю, как она осталась здесь, не вернули ее, ничего. Вот такие смелые люди были.

01:30:59

А она тоже жительница Кисловодска?

Нет, Пятигорска. Пятигорска.

01:31:04

Но просто уже в ссылке познакомились?

Да, там, когда нас прислали во Вдовино, уже все вместе там были. С Эссентуков были, вот эта Спирина была с Эссентуков, Жигульская, Жигульские были с Кисловодска, Казарезова была с Пятигорска, а потом Исахановы, армяне, с Кисловодска, потом Невская с Кисловодска, Невская Стеллка и Милка. Вот они здесь, в Кисловодске до сего времени. Правда, честно, два года уже не звоним друг другу, не знаю, живы, здоровы Невские.

01:31:38

Вот этот ссыльный мир, в который вы попадаете, он многонациональный или там?.. Какие национальности с вами там вместе существуют? Или это никак не разделялось? Или люди всё-таки по национальности как-то группировались?

Нет, все вместе. Что там говорить? Кого там только не было! Белорусы, мы дружили, помню, [нрзб], белорус такой, [нрзб] звали. Белорусы, украинцы, русские, конечно, большинство, литовцы, латыши, эстонцы, армяне. И вот упомянул китайцев, правда, все поумерли. Но один китаец, мы, кстати, спасли одного китайца, дядя Ваня Ли, он у нас жил в доме, дядя Ваня Ли, мы спасли его, он хороший был такой китаец. Я всё над ним издевался, правда: то ему ведро повешу над входом, то плюну ему на лысину, он там картошку перебирает, а я сверху. Ну, пацан был. Но хороший был китаец, дядя Ваня Ли, он жил у нас. Это друг Филиппа Васильевича был, это было такое дело. Там поляки были, и очень много молдаван было. Потом, когда начали, этот же Калякин один раз пришел, когда мы пришли, мать ревет: «Убивай нас, что хочешь» — к Колякину: «Я не могу больше». Он говорит: «Ты, Углова, не подохла со своими щенятами. А к нам сейчас присылают западнцев». Ну, когда Западную Украину, Белоруссию захватили. «А я думал, вы подохли». Вот это вот буквально так говорил. То есть там все были, молдаване. Молдаване, я запомнил сразу же, когда нас в детский дом только, спасли от смерти, Ольга Федосеевна, и вот мать говорит, пришла к нам, пришла к нам, мы отходим уже, всё, постригли ногти, волосы, она говорит: «Вы знаете, вот Драганчу, молдаванка, умерла всё-таки, последний ребенок». У нее семь детей. Молдаванку сослали, у нее семь детей, и она, рассказывала мать, она их складывает в подпол, она жила там у сибирячки где-то, хлев ей дала какой-то неотопливаемый, и она их... Зима это была, хоронить невозможно, два метра снег, всё промерзло, она деток своих складывает, от холода все семь... И говорит: «Ночью они кричат: “Мама!”, я маюсь, кричу, плачу, они с подпола кричат: “Мама, дай покушать!”» Драганчу фамилия, Драганчу фамилия, запомнил, то есть молдаване, их тоже было полно. Поляки, молдаване, все там, вот такое дело. Так что по национальности... Все жили как-то скопом, и все потом особенно подружилось к концу, все дружно жили, никогда не было никаких распрей, ни между армянами, между татарами, Хасан у нас был, у нас Хасан, я не знаю, кто это был, Хасан, наверное, чеченец, может быть. Мы очень дружили, он вообще со мной дружил, Хасан был, там описываю его, интересного.

01:34:38

Я петербургский человек, из коренной петербургской семьи, поэтому вопросы, ну, такие, людоедства... И бабушка у меня блокадница, и дедушка в блокаду умер, поэтому вопросы людоедства, конечно, они возникали. И в рассказах семейных возникали, но так, чтобы человек вот так вот напрямую мне рассказал, что он имеет опыт, непосредственно он имеет опыт употребления себе подобного... Когда вы узнали про это, вы как-то это осознали или это было настолько, настолько сама жизнь была чудовищна, что это в эту чудовищную реальность, вот то, что можно потребить человека, как-то... Как мать вам это вообще рассказывала, как это было, как она рассказала, по какому случаю?

Ну, маме я сказал: «Мама, я хочу написать книгу, чувствую, что у меня...» Потому что, я там когда во Вдовино уже жил, я так любил читать книги. И всем давали по одной книге, а я постепенно [нрзб], Василий Павлович Татарцев — орденами гремит, у него ордена висели, офицер, — он был библиотекарем. Маленькая комнатка была, и там было, ну я не знаю, 50-70 книжечек. Он выдавал по одной книге, я — раз — проглочу. Я прибегу, он говорит: «Ну-ка расскажи содержимое книги». Я говорю: «Я уже всё прочитал», я бах-бах, ему всё рассказываю. Он дает две, три, четыре книги, потом я постепенно начал давать записки в соседние села, в Жерновку, в Алексеевку. Я ходил, и мне давали по четыре книги, я очень много читал. То есть отсюда пошл[а] мо[я] начитанность, не знаю, очень много [читал]. Более того, потом Ольга Федосеевна мне на слух давала рассказывать стихи, мне нравилось, весь класс меня слушает, стихи Лермонтова. Вот оттуда пошла эта начитанность. И [т]огда я решил — надо написать всё это. Я же услышал где-то, может, тоже так пишут. И я начал писать это всё и начал вот так же с мамой разговаривать сидеть. Она мне всё это рассказала, из-за этого впервые я узнал, что мы ели печень китайцев, оказывается, от мамы. И я абсолютно не удивился, абсолютно. Ну ели и ели, ну что теперь делать? Я абсолютно ничего там, чтобы сказать, что... Было такое, я маме верю. Значит, так оно было. Я помню этот момент, что как пахло мясом каким-то, пахло что-то всё по-другому. И благодаря этому мы выжили. Еще таких моментов было в жизни много, когда благодаря чему-то выживаешь, не знаю, вот так вот постоянно, вся жизнь такая: нырнешь — вынырнешь, нырнешь — вынырнешь.

01:37:27

Детский дом, вы сказали в рассказе, что это отчасти вас спасло, но вы оттуда убежали. Почему убежали и убежали куда?

Ну вот первый побег был. Мама была прачкой, и мы почему-то, Тырышкин, я, Воропаев... Мне кажется, всё-таки я первый что-то говорю: «Давайте убежим». Я читал, много книжек уже в то время начал читать, уже тоже в детском доме всё, и вычитал где-то про Тома Сойера, когда они уехали, убежали. И я говорю: «Давайте убежим» — «А куда убежим?» — «Вот рядом пруд, давайте на пруду, там камыши сплошные, там по камышам пройдем». А уже [нрзб] этих начали там ловить. И мы тут же рядом с детдомом буквально за 200 метров убежали в камыши и там целую ночь ночевали, человек пять-шесть. А к маме... Заготавливали перед этим сухари, там каждый кусочек хлеба проверяли, там еще что-то такое, не помню, хлеб, что еще мы могли. Брюкву, брюкву давали иногда нам, брюква — это такой сибирский плод, жареный, обжаренный. И вот мы скопили этого немножечко, и вот мы там двое суток прожили на этом ос[трове]. Островок там был посреди этого пруда, по камышу перебирались. Слышим — нас там кричат по фамилии, стреляет в воздух завхоз. А мы там двое суток жили, убежали. Просто мальчишеское приключение. А второй раз убежали в конопляник, это уже в другую сторону, далеко довольно-таки. Конопля два метра высотой, и вот мы в эту коноплю забрались, жарим коноплю, противень какой-то изготовили, противень, наломали среди ночи, каких-то лохмотьев понабрали, но мерзли всё равно, ночью всё равно холодно в Сибири бывает, хоть и летом, июль месяц, конец июля. И вот эту коноплю жарим, убежали тоже. Тоже просто хулиганство, вот и всё. Убежали. Хотя Талик Нестеров у меня был друг, он говорит: «Давайте убежим на войну». Когда 1945-й еще год был, еще перед этим мы с ним как-то пересекались. А какая война... Не в 1945 году, 1948 год или 1949-й. Какая война? Война давно кончилась. «А, — говорит, — ты слышал, что там воюют лесные братья в Прибалтике? Вот давайте мы их там тоже добывать будем». Слухи доходили до нас, что где-то еще война, что Западная Украина воюет до сего времени. Они же там воевали бог знает до сколько. Так что вот такое дело. Убежали по-хулигански просто, просто хулиганы.

01:40:05

Вот эта вот детдомовская жизнь, расскажите про нее: про распорядок, были ли вы одинаково одеты? Вообще как этот детский дом был устроен, висел ли у вас портрет Сталина, ну и вот, вот эту жизнь.

Вот он, висит везде портрет Сталина. В детдоме, конечно, это было, это [в] како[е]-то окунулись мы новое царство, это прелесть, это тысячи, сотни новых лиц, девчата, девчонки, мальчишки. Всё очень хорошо. Кто-то рисует, кто-то... Сам я участвовал в самодеятельности, играл Деда

Мороза, завхоза. Значит, распорядок такой: утречком подъем, печки. Печки топили несколько комнат, в каждой, перед каждой комнатой была печка, койки были, штук 20–30. Спим там, утром подъем, общая линейка, физзарядка, в общем, выскакиваем, туалет во дворе, конечно, бегом туда, оправиться. Потом — как в армии, короче, — потом зарядочку сделали, потом строим, если это лето, строим идем в столовую. Помню, особенно любили мы свеклу в муке, в черной муке обжаренную. Кисель овсяной и так далее. Занятия, обязательно после занятий труд: девчонки шьют, вышивают, мы столярничаем, что-то там пытаются старшие классы, а нас, конечно, малыши — кто-то рисует и так далее. Ой, детдом — это прелесть, не знаю, как его не любят. Детдом, сейчас говорят, что там творится. Не знаю, в детдоме у меня только радужные воспоминания. Там друзья появились у меня, там враги появились, там всё было. Очень здорово в детдоме. Ну, вспоминаю в детдоме в том числе такой момент: зима, перед отбоем, уже объявляют, дежурный с колокольчиком ходит: «Сейчас через полчаса отбой, всем оправиться сбегать». А к туалету идти — целая штольня, мы чистили снег, два метра снег всегда. И вот туалет там, во дворе, мальчикам и девочкам пополам. И вот неохота бежать туда-сюда. Первый год это было, конечно. Вот мы с Таликом Нестеровым. В углу зал большой, вешалки стоят и ведро там, ведро с метлой, с метелкой. Это уборщица наша, Спирина, кстати, убирала. Мы туда. «Что мы побегим туда, на холод? Одеваться целое дело. Давай здесь пописаем». Вот мы — раз, раз — пробрались, пальтишки все висят. Одевались все одинаково, это точно, одежда, я забыл сказать, что одежда у всех одинаковая. Что у мальчиков, что у девочек форма одна была. Ну, у девочек, конечно, платьишки, у нас нет, но форма одна была. И вот мы пробежим туда, ведро с метлой, там пописаем. Поймали нас один раз старшеклассники и заставили нас нарисовать — Талик хорошо рисовал — стенгазету, как мы писаем, «писюны» назвали нас. Это было такое дело, был такой позор наш. Но вообще в детдоме было хорошо. Трудились, ходили в лес, перед зимой набивали матрасы соломой, ходили к скирде, председатель колхоза выделял нам скирду, выделяли нам большие такие матрасы, потом ногой набиваешь эту солому полностью, потом зашиваешь, зашиваешь торец, потом прошиваешь края все соломы, и получается потом, постелил когда, ровный такой высокий матрас. Вот такой высокий, и ровные края такие, потому что за тобой следят, дежурят, чтобы ровненько всё было: не спешит. И вот ниткой всё это вокруг, зато получилась квадратная кровать ровная. А к осени, то есть к весне уже, к лету уже она была там труха одна соломенная, такая вот маленькая. Труха, пыль оттуда идет уже. Но всё было хорошо, в детдоме было отлично всё.

01:44:21

Вы сказали... То есть я часто делаю, ну не часто, но много сделала для музея интервью, и вы первый человек, который сказал мне, что детей врагов народа не берут в детдом. Потому что я знаю и записывала сама много-много историй, когда родственники прячут детей, чтобы детей не забрали в детдом, а вы... Как по благу вас туда берут.

Да.

01:44:54

Вопрос. У вас существует какая-то легенда про отца, вы не говорите никому, что отец сидит? Вы говорите, что... Вот вас мальчишки спрашивают про отца что-нибудь, вы что говорите?

Вы знаете, у всех сидели, никто ничего не спрашивал, никогда не интересовались родителями абсолютно, это я точно говорю. Потому что мы вот жили, вот как будто так и надо. И когда нам объявили, я там описываю целых два листа или три листа, когда Сталин умер, как у нас Микрюков объявляет: «Сегодня такое вот событие». Линейка огромная, собрали всех. Ай, как мы плакали! Мы минут, наверное, тридцать плакали, ревели все, и взрослые, и воспитатели, и комендант. Все мы плакали, плачем, ревом. «Сегодня скончался выдающийся человек планеты Иосиф Виссарионович». И мы ревом стоим все, оттуда идем потом с Афонькой, друг у меня был, идем, плачем. Я говорю: «Ну всё, американцы на нас нападут завтра». — «Да. Ну ты знаешь, до нас едва ли долетят, мы всё-таки в тайге живем». Я говорю: «Нет, всё, теперь американцы съедят нас, всё. Это всё. Сталин всех спасал как-то нас, а сейчас...» Вот такое. Мы как-то не думали, о родителях не думали. Мы все были сидельцы, там сплошная зона была, то есть там никого. Или были ранние, которые нас особенно не приветствовали, это кулаки, их тоже... Кулаки, там местных-то не было вообще абсолютно сибиряков. Ну может быть, были, конечно, единицы, единицы буквально. Там все были сначала кулаки, в 1929–1930 году, и так далее. Вот эти все 22 деревни, о которых я пишу, о которых я говорю, это все были ссыльные. И там как-то не принято было вспоминать, кто чего, а уж там детдому так вообще радовались, о чем вы говорите. В детдом нет, не принимали, многих не принимали.

01:46:49

Были ли вы пионером?

О, еще каким! Да, заядлым. Пионер, так мы гордились! Я был пионервожатым даже последний год, мне сдавали рапорта, а я — Ольге Федосеевне: рапорт сдал, рапорт принял. Галстук, всё это вот. Так мы гордились этим! Пионером был, и любил я это, очень мне нравилось всё это.

01:47:10

Как вас принимали в пионеры, помните? Рассказывайте.

Как в пионеры принимали, особенно не помню, не сказать, что... Но очень гордились этим. Когда я прибежал, помню, пионерский галстук дали нам, давали нам галстуки готовые, белая рубашечка, всё как положено. Но как принимали, четко вот этот момент, я не скажу, чтобы я вспоминал, но очень гордился этим, очень гордился. Я всегда выскакивал, везде себя старался показать, поэтому меня пионервожатым сделали в конце, старший пионервожатый был.

01:47:47

Ваши отношения со Сталиным на момент детдома я поняла, а как мама к Сталину относилась?

Мама точно так же заблудший человек была до сего времени, у меня это встречается в книге, когда она говорила, когда портрет: «Деточки, это Сталин вас спас, это Сталин вас спас». Я говорю... А я уже в то время говорю: «Мам, ты ж только говорила, от голода, от холода...» — «Вы не умерли благодаря Сталину» Я говорю: «Мам, ну ты же говорила, Ольга Федосеевна нас спасла». — «Ну, Ольга Федосеевна спасла вас, но всё-таки Сталин старше ее, от него всё идет». Мама тоже заблудшая, мама тоже, не особенно скажу, что она грамотная была человек. Она всего четыре класса кончила, Филипп Васильевич — два класса, а мама четыре класса кончила. Так что такие забитые мы были люди. Она думала, что Сталин тоже хороший. Но потом она, здесь вот она — ой, как она смеялась, как она его ненавидела, как она Сталина этого... Прозрела, особенно во время перестройки, она захватила это всё, когда начали открывать это всё. Она совсем стала другим человеком. Также заблудшие все были такие. Мама была, да. Потом она совершенно по-другому отзывалась, как я его сейчас ненавижу, этого усатого гада. Вот такое дело.

01:49:06

Тогда вопрос. Вот на вас, подростка... XX съезд партии, и вот говорят, что оказался наш отец не отцом, а другое слово, как вы к этому относитесь? Или это прошло как-то мимо вас тогда?

Как раз это случилось, XX съезд партии, как раз это случилось, когда я был уже здесь, в Кисловодске, и познакомился с двумя хулиганами. Здесь тоже опять начал хулиганить, у меня там целая статья, целая книга тоже, называется, отдельная книга про Кисловодск, про первые мои годы здесь. Я с ними, Белявы два, Беляевы, два близнеца. А у них была мама, мама замужем была за парторгом, парторг очень грамотный, тоже офицер был, и он говорит: «Коля, — всегда приходил, помню, такой тоже с орденами, — ты чего связался с моими уркаганами? Господи, от них ничего хорошего ты не получишь». И он мне первый рассказал об этом XX съезде, я ничего не знал. И он мне всё это рассказал, что вот Сталин, «вы зря страдали, вы зря, это убийца». Сам парторг. «Но, — говорит, — ты особенно не распространяйся об этом, что я тебе говорю, но чтобы ты знал, что ваш отец не виноват». Вот от него я узнал, от этого Беляева, отца Беляева, ну отчима, тоже отчим. Будем так говорить, тоже отчим. Вот это я узнал.

01:50:43

Ну вот мне сложно просто в это поверить, потому что до 1953 года в любом городе есть проспект Сталина, стоит памятник Сталину, висят портреты — и вдруг, постепенно или достаточно резко, это всё исчезает. Этого нельзя было не заметить. Поэтому... Как-то вы к этому тогда относитесь или просто память это стерла?

Нет, мы спокойно воспринимали это, я помню даже хорошо, ходили мы, Курортный бульвар наш, и был памятник Сталину, белый, огромный такой Сталин. А потом в какой-то момент он исчез. И мы как-то спокойно это воспринимали, не радовались, не хлопали в ладоши, не орали, ничего. В то время, я должен сказать, что, если бы не эта перестройка, черт его знает, я, может быть, таким бы и не был. Только потом я осознал, что творилось с нами. То есть я как-то относился к этому... Думал: ну, так оно положено, наверное. Как и все, как и многие сейчас. Я много знаю репрессированных, которые скрывают до последнего, даже сейчас. Беликов там есть, скрывает, что он был репрессирован. Я открылся, а таких, очень мало таких. А некоторые, наоборот, скрывают это до последнего, до гроба. А почему? А чего тут бояться-то? Более того, я не знаю — пусть это в кадр войдет, не войдет, — я когда это прозрел, когда это узнал, когда это всё увидел и когда я стал журналистом-писателем, я сидел день и ночь, смотрел заседания Верховного Совета. Вы знаете, были когда первое время, это же ужас. Все эти, Собчак, когда

выступали они, я ночь не спал, я был возбужденный, всё.

01:52:28

Вопрос странный, но меня он тревожит, и я хотела бы тоже его понять. Когда Ольга Федосеевна отдает полторы тысячи рублей, правильно?

Да-да, полторы тысячи.

01:52:43

Это какая-то история невероятная. Ну вот правда, мне в нее очень сложно поверить, потому что... Не потому, что я плохо отношусь к русскому народу, я прекрасно отношусь к русскому народу, но люди, пишущие доносы друг на друга из-за квартиры, квартира — это страшное, ну вот я не знаю, это парадиз, рай. И вдруг отдать деньги, которые ты... Что это было? Это была денежная реформа, она не успевала их потратить? Или это... Вот как вы для себя объясняете? Что же, как же так получилось, что она эти полторы тысячи рублей взяла и отдала?

Нет, это всё очень просто, понимаете. Сейчас, действительно, это, может быть, не понять. Народ стал совсем другим. Но когда мы очутились на улице и нас Микрюков Борис Дмитриевич мой любимый — потом он приезжал в Кисловодск, мы обнимались, пили коньяк, и я его возил на черной «Волге» служебной, у меня была черная «Волга», вот он, вот он — нас выгнал с детдома, когда нашли у нее обмылки эти, комбижир, сняли с нас всю одежду. Даже одежду фирменную сняли, и ботинки, и всё остальное. И мы очутились голые, голые. Не знаю уж как, наверное, мама побежала к ней опять, к Ольге Федосеевне, та спасла нас раз, спасла другой раз, сначала в детский дом, в больницу. Побежала к ней, кинулась, упала [в ноги], начала реветь, плакать. У той, наверное, просто, как говорится, ну, женщины есть женщины. Вот есть разные женщины, сердце, видать, не выдержало, просто сжалилась она опять над этой женщиной. Они прониклись, между прочим, симпатией друг к другу до этого еще, после этого. И она вот эти деньги [отдала], говорит: «Я копила, хотела... Я живу при детдоме». Комнатушка у нее была при детдоме. «Вот копила, хотела свою избушку купить, я отдаю вам. Ну, Нюся, ты будешь постепенно отдавать». И всё, она отдала свои деньги от чистого сердца, вот и всё. От чистого сердца. Да, предателей полно, у нас и сейчас уже начинается это наушничество, и в то время было огромное количество предателей, но и были добрые, добрейшие люди, добрейшие. Вот она, Ольга Федосеевна, любимая моя, полненькая наша женщина, где она тут? Я рядом с ней везде сижу. Вот она, вот она, Ольга Федосеевна, красивая полная женщина, вот она. Еще есть одна у меня тут. Ладно, потом покажу. Где-то еще. Так что от чистого сердца дала.

01:55:24

Дорога домой, когда — я правильно [поняла]? — как я поняла, мать уехала вначале одна, а вы остались доучиваться и потом поехали сюда? Или не так?

Нет, она потом, она вернулась от него, пять лет мы ждать не можем, нас освободили, и мы поехали все уже с Филиппом Васильевичем, с этим маленьким месячным ребенком уже поехали на Кавказ.

01:55:52

Как вы ехали, как вы возвращались, дали ли матери паспорт, или она без паспорта ехала? Купили ли вы билеты, или вам купили билеты? Вот подробнее можно, как это происходило?

Да, очень всё это, до мельчайшей [детали] помню всё. Когда мама сообщила, [что] нас освободили, мы не виноваты, мы всё продаем, и мы вот эту хатку, которую Ольга Федосеевна дала, и пристроил Филипп Васильевич еще большую хатку, тоже продали, кстати, за полторы тысячи этому Кобзеву, деду. И начали продавать и корову, он в то время хозяйственный был, Филипп Васильевич, между прочим, корову заимели мы, свиней заимели, гусей и так далее. Начали продавать всё это хозяйство, наверное, билеты они, конечно, купили на свои деньги. А перед этим мы начали проситься, обязательно: «Я без папы не поеду, мы должны побывать у папы». И нас до Пихтовки довели, Пихтовка — 50 километров от Вдовина, а от Пихтовки еще 50 километров. Узкоколейка была, где строили узкоколейку заключенные и оттуда лес возили. И мы по этой узкоколейке с братом пошли к отцу и прожили у него потом две недели. Вот это вспоминает, была весна, медунки кругом, кочки, вода. Впервые увидели камешки, там у нас же земляная, там не было ничего, а тут насыпь вдруг из щебенки. Не было камней, я не видел в своем детстве камней, кроме как в Кисловодске здесь. И вот мы камешками в лягушек кидаемся. Ну шли-шли эти 50 километров, пришли к отцу, пожили у него две недели там. А потом пожили, попрощались с ним, поплакали и ушли опять. А в Пихтовке уже ждет нас мама с Филиппом Васильевичем. Продали всё, и до Кокшино нас довели на каких-то быках, есть

такая станция Кокошино. Поезд идет с этой узкоколейки, он проходил через это Кокошино, рядом. И мы сидели, маленький пристанционный домик такой, и говорит машинист несколько раз: «Смотри, Филипп, — они познакомились, — сейчас будет лесовоз, две минуты стоит, две минуты. Смотри, не успеете, не погрузитесь, что-то здесь оставляй. Не больше двух минут». И вот он остановился, поезд этот, чух-чух-чух. Я первый увидел, я, кстати, забрался на самый верх. Комар[ов] страшно внизу, а я там осину нашел, самый верх, там обдувает ветром, хорошо, комара нет, я кайфую. Я первый увидел этот дымок от вагона. «Поезд идет!» — спустился бегом, все приготовились. Ванночка с ребенком. Мама как залезет? У нее же нога больная. Мы первым делом кинулись ее подымать все, Филипп Васильевич, даже станционный этот смотритель кинулся помогать ее [поднимать]. У нее нога негнушная, и мы ее закинули. Значит, вагон, бревна лежат, а в торце, — метр, не больше, — в торце, вот эти бревна, а в торце пустое место. Вот в этот торец, в пустое место, мы все погрузили маму скорее, ванночку эту кинули, тюки свои, несколько тюков — и поехали на этом лесовозе. Я опять полез наверх, хотел, бревна высокие там выложены, мне опять как дал Филипп Васильевич! Говорит: «Слетишь еще оттуда!» Поехали, едем, и вот мы доехали до Новосибирска таким образом, на этом лесовозе, лес привезли. Так что помню это всё.

01:59:15

А из Новосибирска как сюда?

А из Новосибирска уже купили билеты, купили билеты до Москвы. Тоже описываю всё это, всё помню хорошо, как я бегал за кипятком, как я там отстал на одной остановке, отстал. Мать и отец ругаются, а я загляделся, побежал за молоком, не за кипятком, а за молоком. И она мне, сибирячка, говорит: «Вот молоко тебе» — раз, выплеснула мне бидончик, и что-то плюхнулось туда. Я говорю: «А что такое?» — «Это холодушка, лягушка». Так вместо [холодильника], холодильников же не было в то время. Я загляделся, лягушка для меня — это детство всё среди лягушек. Она моргает глазами в молоко. Короче, я опоздал, но в последний момент успел заскочить в вагон, и уже по ходу прошел-пошел, я показался, они так обрадовались, но мне как дали! За то, что я... Вот ехали на поезде уже, приехали до Москвы. С Москвы...

02:00:16

Купе или плацкарт? Или общий?

Да общий, какое там купе? Общие вагоны, там крики, дети, носки — идешь по проходу, дырявые носки вонючие. Ну что там говорить. Доехали до Москвы. С Москвы... Можно еще две секундочки? Расскажу. Москву... Впервые после этого грохота, после всего этого, железной дороги, увидеть такой город, увидеть что-то такое, после этой тайги... Недаром же говорят: «кидается с топором на паровоз». Так вот мы оттуда такие дикие. И вдруг по вокзалу ходит, ходит мужик, в рупор кричит: «Всех желающих — на экскурсию! Вы увидите Кремль, вы увидите Москву-реку, вы увидите Мавзолей Ленина, Красную площадь!» А у меня глаза загорелись! «Неужели! Мама!» «70 копеек стоит, подходите». Он с женщиной ходит, и он собирает такую группу. Я говорю: «Мама, меня, пожалуйста, я столько читал, столько слышал о Мавзолее, Красная площадь!» Она говорит: «Да куда там! Каждую копейку надо...» В общем, не дают, и всё. Я ей: «Я сам убегаю тогда!» А убегаю. В общем, еле-еле дали мне 70 копеек: «Смотри не отставай!» Всё-таки я отстал. Я с этой группой пошел. Я впервые увидел такое чудо — это метро, мы спустились, это что-то такое! Глаза вот такие! Я представляю свою рожу в то время, увидеть это всё. Увидел Мавзолей, увидел Красную площадь, все эти соборы, всё это. Интересно было. Один раз... А он говорит: «Я буду периодически...» Народу много, машин много. «Я, — говорит, — [буду] поднимать сверток с газетами, вы следите». Я один раз огляделся, рот открыл — смотрю: нет никого. Где моя группа? Побежал — нет, туда-сюда, бегу-бегу. И вдруг в один момент где-то далеко уже — вижу: кто-то так вот [держит сверток]. И я бежать туда! А так бы заблудился, не знаю.

02:02:16

А брат-то с вами пошел?

Нет, конечно. Да он у меня такой, вы знаете, не знаю... Брат очень зажатый. Вот это детство на него... Я раскрепостился всё-таки, считаю, а на него на всю жизнь так и осталось это. Он постарше был на три года, он так забитый и остался на всю жизнь. Хотя он закончил институт тоже горно-металлургический, в Нижнем Тагиле он работал, на нижнетагильском комбинате. Дошел до мастера и всё такое. Но он немножечко зажатый. Нет, он всего боялся, он в жизни всего боялся. Я ничего не боялся, честно говорю. Единственное, что скрывал, [что] я ссыльный.

02:02:56

Мавзолей, когда вы туда попадаете, там еще лежат двое. Там еще двое лежат.

В Мавзолей нас не повели, это же долго. Там огромная очередь. Нам показали просто Мавзолей и показали Красную площадь, потому что экскурсия какое-то определенное [время], час-два, не знаю. Но нам показали, всё это увидели: вот Мавзолей. А там длинная очередь стоит, там надо бог знает сколько [стоять]. Первый раз я... Ленина со Сталиным я так и не увидел, а Ленина я трижды ходил. У меня какой-то патологический интерес к Ленину и Сталину. Это Нина мне даже говорит: «Да что ж ты так ими всё интересуешься». Вот черт его знает. Я видел трижды Ленина, там лежит, светленький весь. Лицо светлое. На него свет пускают там.

02:03:43

Вернулись обратно на Ленинградский вокзал. С Ленинградского же уезжали вокзала?

Да наверное, не знаю даже, откровенно, какой вокзал. А мне кажется, южный, Курский есть вокзал, да? Курский. Потому что мы в Липецк попали, на Грязи, Лиски и потом в Липецк. Там родные Филиппа Васильевича учились, жили, и я в Липецке потом же Липецкий горно-металлургический техникум еще успел закончить же. Думал, что у них я буду жить, а оказалось, нет, не получилось. В Липецке мы останавливались.

02:04:17

Становитесь ли вы комсомольцем?

Конечно, а как же. Комсомольцем становлюсь. Меня выгоняют на 28-м году, я уже здесь прозрел немножечко, я не плачу взносы, вызывают на Красноармейскую меня. Развалился секретарь комсомольской организации и говорит: «Кузнецов, ты не платишь членские взносы, ты грубишь нам, ты не посещаешь собрания». Я говорю: «А что мне комсомол ваш дал?» Я уже начал дерзить. «А что мне комсомол дал здесь?» Я хотя скрывал всё это, но я говорю: «Мне комсомол ничего не дает, кроме... Взносы платить я не собираюсь». — «Мы исключаем тебя». Я говорю: «Исключайте». Исключили. Исключили из комсомола.

02:05:00

Вы потом в партию не захотели вступать или боялись, что всплывет история с отцом? Всё-таки вы занимаете большую должность. Вас обязывали? Говорили, надо вступать?

Несомненно, я боялся. Я боялся в то время открыться, поэтому до 1994 года я ничего не говорил никому, Но, вы понимаете, думаю, черт его знает, раскопают, там же пишут. [нрзб] Я ж не поступал в какое-то КГБ, там бы раскопали сразу, моментально же всё. А тут я... Конечно, боялся. Но тянули, тянули. Помню, Жиглов был, он говорит: «Николай, мы готовим тебе вступление в партию». Я так молчу. «Мы готовим, готовим, готовим». А потом, после 40 лет руководителей не принимают, уже когда я руководителем стал, главным инженером, точнее, еще не совсем руководителем. Главным строителем. «Мы готовим тебе». Мы с ним были в очень хороших отношениях, я слушал, как он спорил с Исмаилом. Есть там карачаевец, был прорабом, старшим, и он с ним ругается, говорит: «Эта советская власть мучила мой народ». Он говорит: «Да тебя она из чабанов сделала инженером-строителем». Вот они ругаются, а я молчу, что я такой же, как Исмаил. Я, конечно, боялся: и хочется, и колет, понимаете, вот так будем говорить. Но потом 40 лет — уже не принимают руководителей. А я стал руководителем. А зачем мне тогда уже стать? Вот есть, что я стал руководителем, две фотографии, одну из них я приложу. Вот я начальник домостроительного комбината, во главе колонны. Вот я, посмотрите, в черном костюме. Слева у меня парторг, а справа — главный инженер. Я во главе колонны нашего домостроительного комбината. На Первомайской демонстрации. Так что дошел до большого руководителя, более тысячи человек было у меня.

02:07:03

Тогда спрошу. Вы взрослеете в период, когда появляются... Ну уже диссиденты появляются, и такая литература, как Солженицын, в самиздате появляется. Было ли это у вас в доме? Читали ли вы это еще в самиздате или уже в перестроечное время? Какие взаимоотношения с этой культурой?

Мы и в самиздате читали, и очень много интересовались, и очень это... Когда началась перестройка, Коротич писал эти статьи, «Огонек» этот весь до дыр, я всё это, несомненно, очень интересовался. Мне это... Наконец, я узнал, наконец, начался ледоход. Эта гадость узнает, что творилось в нашей стране. Более того, Солженицын, я с Солженицыным лично встречался, у меня есть глава, когда он приехал в Кисловодск, четыре часа выступал. Я с Солженицыным встречался, есть глава «Встреча». Жена меня тянет: «Чего ты, Николай, да не

[лезь]». Его обступили тысяча, сотня человек после этого, когда он в театре у нас выступал. Я говорю: «Нина, ну я должен сказать ему, я должен сказать». Есть описание моей встречи с Солженицыным. С Губиным. Губин вообще был мой друг. Может, знаете, писатель такой у нас. Вот у меня есть книга, подаренная Губиным, «Молоко волчицы», я могу тоже достать, его автограф где. С Солженицыным я встретился как? Его обступили эти курортницы, лезут со своими автографами. Я говорю: «Александр Исаевич, я тоже был ссылкой». Он не слышит. Я говорю еще раз, мне неудобно как-то, все смотрят. Так оглянулся, ну, смотрю, вроде своих кислородских нет, все курортники. Я опять. Он: «Что-что? Вы были в ссылке?» Я говорю: «Да, был в ссылке». — «Где?» — «С Цветаевой, с Цветаевой рядом жил, в Пихтовке». — «Да-да? В Пихтовке? Анастасия?» — «Да». — «Вы знаете что? Вы обязательно напишите мне, вы обязательно напишите мне потом, я буду жить здесь уже, в Россию приехал, вы напишите мне, мы с вами свяжемся». Вот это он сказал, и всё, тут его окружили, тут и официальные лица наши с исполкома, и вот эти курортницы, и всё. Вот такая коротенькая встреча была. А с Натальей Солженицыной я потом встретился и поговорил хорошо, и подарил ей книгу «Детство в ГУЛАГе». Она потом приезжала сюда, его жена, светленькая такая. Что-то она предала, по-моему, всех нас. И вот она, значит... Я ей подарил книгу, мы с ней поговорили, она [говорит]: «Ой, прочитаю». Кому-то отдала, вызвала человека, тоже в театре, кстати, здесь была, она была с Говорухиным. Говорухину подарил, ей подарил и директору Дома зарубежья подарил эту книгу тоже «Детство в ГУЛАГе». Как же его...

02:09:58

Сейчас скажу.

На «с», по-моему...

02:10:03

Струве? Никита Струве?

Нет. Вы знаете, тогда не Струве...

02:10:08

Русское зарубежье?

Кажется. Нет, кому-то другому. Подождите, еще кто у нас? Ну вот Солженицына была, я четыре книги взял туда. Она приехала туда, ей подарил, Говорухину подарил, Полонскому самому, директору музея, здесь Солженицына у нас есть, директору музея, Полонский. И вот этому директору зарубежья... Да, кажется, Струве всё-таки. Но его не было, я, по-моему, передал Полянскому, чтобы он ему передал. Четыре книги свои, я подписал везде, «Детство в ГУЛАГе». Она так вот... Поговорили с ней, она говорит: «Ну хорошо, хорошо». Там начинается уже. Ничего не обещала, что встретимся или что. А Александр Исаевич когда был живой... И я, конечно, не стал к нему лезть. Я вижу, лезут все как мухи на мед. Я не стал потом писать ему, не стал лезть, думаю: да ладно, как-нибудь сам буду пробиваться, напишу книги. У меня язык подвешен, думаю, я буду писать. Ну чего мне Солженицын? Читал я его много, «Архипелаг ГУЛАГ» прочитал, конечно, «Один день Иван Денисовича» и так далее. Шаламова читал.

02:11:21

Вопрос еще по семейному... Была ли мама верующим человеком?

Была, но так, не сказать чтобы истово верующим, вы знаете. Была, верила. А Филипп Васильевич, этот пьяница, хулиган наш и бабник, был страстно верующим. Мы все Пасхи, Рождество встречали. Это у меня уже в книгах описано. Мы всё Рождество, он на колени ставил нас перед иконами. Вот он был страстно верующий. А мама не особенно, сказать.

02:11:52

То есть дома висели иконы?

Конечно, конечно.

02:11:55

Дома были иконы?

Там уже, в Сибири, были иконы у нас. А сейчас у меня сколько икон, я вам покажу, и здесь у меня, я каждый день... Я был в Иерусалиме, и у меня крест из оливкового дерева. Я ежедневно молюсь, так сказать, на крест. Утром встаю — Отче наш прочитаю — и вечером. Я в Бога верю.

- 02:12:18 **Вы крещены в детстве? Мама крестила вас?**
- Да-да, крестила в детстве она, она крестила. Но мама крестная моя была какая-то, не пойму, она... Я ее как следует... Мне мама говорила: «Вот на Подгорной живет, вот твоя крестная живет». Мы всё собирались-собирались и... Как-то так я и не знаю, откровенно сказать.
- 02:12:40 **В доме, когда уже ваш дом появился, у вас прямо висели иконы? В открытую висели иконы?**
- Где? Здесь?
- 02:12:50 **Нет, не здесь. Вы еще в деревне, когда вы купили за эти полторы тысячи, наконец у вас появился свой дом.**
- Да, в открытую.
- 02:12:58 **В открытую висели иконы?**
- У нас напротив нас... Откуда... Были открытые, у нас одна икона, а напротив нас жила баба Вера Буляк, это молдаванка. Она была такая божественная, такая верующая. Я тоже ей целую главу посвятил. Мы ходили всегда колядовать к ней. И вот зайдешь к ней — тихо, ходики тикают, чистые выскобленные полы. Скоблили полы тогда ножами. Белые полы, краски-то не было. Чистые полы такие. Кошечка у нее, фикус обязательно, так хорошо. Лампадочки две и три иконы у нее. Помолимся обязательно. И у нас были иконы, открыто. Тогда никто не притеснял там, не притеснял. Кто хотел верить, тот верил. Я не скажу, что у всех были иконы, но у нас были.
- 02:13:49 **Помимо икон, были ли в доме фотографии родителей? Или, может, фотография мужа, отца вашего? Что-то еще на стенах было?**
- Не было ничего. Не было ничего. Занавесочки были, тоже фикус у нас был. Фотографии не помню, чтоб мы вешали. А вот уже здесь у мамы, приехали когда, у нее там все фотографии, она тогда вывешивала на стенах. Раньше как-то было принято это, фотографии вешали. А там как-то не было. Помню, единственное, коврик. Откуда уж она достала этот коврик? Там на лошади несется мужик какой-то с топором в руке, несется, а сзади обложили волки со всех сторон. И всё меня интересовало: «Мама, догонят волки его или нет? Как ты думаешь, догонят?» А она: «Да кто его знает?» А он с топором. И вот эта картина. Пять или шесть волков, а он на лошади несется, в одной [руке] кнут, а в другой — топор. Вот это помню.
- 02:14:58 **Слушайте, если вы говорите, что — вот сейчас где-то мы перейдем к фотографиям — фотография отца сохранилась, ее же кто-то сохранил, эту фотографию?**
- Мама, конечно, мама.
- 02:15:08 **Где она ее сохранила? То есть это мало того, что нужно было сохранить фотографию, нужно было собрать, когда она уехала в ссылку. То есть вот эта семейная история хранилась мамой? Она вам про отца как-то рассказывала что-то, показывала эти фотографии? Или вообще это уже потом, потом уже всё это происходило?**
- Интересный вопрос вы задали даже. Как мама в этой спешке, когда орали, кричали, она собрала эти фотографии? Конечно, нам неизвестно, маленькие мы были, чего там. А это она собрала, конечно, мама. Есть некоторые фотографии, такие, как я, это я копии снял потом, белые, даже подписал: мама, папа. И много, вот такие копии, это все новые. А вот эти старые, вот они, старые все — вот она успела фотографии покидать, собрать. Молодец, молодец, да, мама. Хранила она. Ну что тут, фотографий полно. Вот это надо как-то объединить. Наш дом, тут одно и то же по сути. А, это одно и то же. Вот так показываю. А, подписано это. А это не подписано. Дом, из которого нас высылали. Вот так показывать, да, или как?
- 02:16:26 **Мы всё сделаем сами. Вы спокойно берете и спокойно рассказываете. Ничего можно**

нам не показывать.

Дом на Овражной, из которого нас высылали. Вот он дом, вот он беленький. Это еще старая фотография такая. Да все старые, господа, с 1957 года. Вот нижний этаж, там мы жили, два окна, куда нам постучали 31 августа. Над нами жила другая семья. Вот это вот Овражная улица.

02:16:53

А у вас была своя комната, была детская или как?

Не-ет!

02:16:57

Была гостиная?

Там была одна комната и кухня всего-навсего. Всего-навсего одна большая комната и как бы кухня, где плитка была. В то время газа не было. Так, следующий, да? А вы потом уже в порядке сделаете?

02:17:11

Конечно.

Вот эта фотография — детский дом. Мама, я, вот этот хулиган беленький. Вот мама и Шурка, брат. Около детского, точнее не детского дома, а это больница еще. Только мы отошли вот после этого, видите? Это увеличенное. Это просто увеличенное, всё одно и то же.

02:17:33

Николай Владимирович, а вот про больницу вы можете чуть-чуть еще подробнее рассказать?

Да, поляки вылечили, поляки.

02:17:43

Это ссыльные поляки были? Или это поляки с Западной Украины?

Ссыльные, ссыльные поляки, естественно. Польшу ж наши тоже половину отхватили перед войной, тоже там же высылали потом первое время. И вот они попали раньше туда. Поэтому это Дакиневич и Вацлав Константинович, это были хорошие хирурги. И врач был отличный. Специалистов много там. Поляки тоже были там. У меня лучший друг по жизни, он до сего времени остается лучшим другом по жизни — Жигульский, поляк. Отец его Володька. Отца его сбили, он был летчиком, сбили, взяли в плен, а семью так же, как и нас, сослали. Вова Жигульский — это был мой лучший друг до сегодняшнего времени. Он по жизни лучший друг мне.

02:18:29

То есть вы познакомились в ссылке еще? С Жигульским?

Конечно, вместе в детдоме были. Мы в детдоме были вместе. Тоже в детдоме он был, детдомовский. Красавец-поляк, симпатичный. Немножко с презрением относился ко всем. Вовка. Вот такой, я уважал. Где он есть тут? Вот он. Господа, надо другие очки надеть. Плохо вижу. Да, здесь Вовка. Сейчас, одну секунду. Кружочком обведен, вот он, посмотрите, интересный. Вот он, Вова Жигульский. Это мы детдомовские все тут. Вот Вова Жигульский, вот это я, это моя первая любовь, Нина Суворова. О ней много написано, Нина Суворова. Шестаков, всё это мы. Детдом, вот все, буквально по фамилии помню — Тырышкин, Вовка Жигульский, вот он, Настя Чапой, тоже молдаванка. Чаадаева Ирка, Лерка Аюкова, Шестаков, это Астахова, вот они, детдомовские все. А это я, вот он, со своей любовью сiju. Мордатый.

02:19:46

А кто вас фотографировал?

Наверное, фотограф, он приезжал раз в месяц, я знаю, что приезжал с Пихтовки фотограф. И все желающие... Объявляли уже: будут фотографировать. То есть и семейные, и такие вот. Это вот такое дело. Это тоже такой же снимок. Вот он Сталин наш знаменитый, вот он Ленин, вот мой Шурка, брат. Шурка, брат. Вот это я с Татаринцевой, с воспитательницей. Желонки,

Тырышкин, Нестеров Талик, Алехнович, хулиган. Вот она хулиганская вся вот это наша, мы хулиганчики. Атоянц Ашот, армянин, хороший был. Тоже дружили мы с ним. А это наша воспитательница. Директор детдома, вот он, Микрюков. Молодой, красивый, в галстук всегда был. Это я рядом с ними. Всё время к начальству тянуло меня почему-то. Про какую еще фотографию рассказать?

02:20:42

Про все. Меня все интересуют.

Значит, вот это моя мама. Фотография с 1915 года. Это казак у нее отец был, Филипп. И мама ее. И вот моя мама маленькая, малюсенькая. Это тоже вдовинская фотография такая же, это вдовинская. Вот он я сiju. Увеличенная. Вот это моя любовь была тоже, симпатия точнее. Любовь была Нинка Суворова, а это Стелла Невская. Она и сейчас в Кисловодске. Вот Микрюков, вот мама моя. В общем, все, Нечаевы. Что там еще? Переход, переход на армию. Вот я в самолете, в Ейске служил, истребителя, механик самолетов с реактивными двигателями. Красавец-парень был.

02:21:36

Это постановочная фотография? Вы не умеете водить, вы не летчик?

Я механик самолета, да, механик, обслуживал его, и всё. Я не летал. Детдомовская фотография. Костя Чаадаев, умница, крепыш. Это Верка Марченко. Его стала, мужем и женой так они остались навечно. Это я с книгой, вот видите, как почувствовали, что это будущий писатель, книги мне кто-то дал, фотограф. Это Ира Чаадаева, его сестра. Очень тоже симпатизировал. Я вообще-то был влюбчив, во всех влюблялся почему-то. Тоже была моя... Чаадаева Ира. Все умерли уже, господа, никого нет. Все умерли. Так, что еще... Это я в самолете тоже в Ейске. Самолет с реактивными двигателями. Учили кубинцев. В 1962 году 400 человек обучили кубинцев мы. Ночные полеты бесконечные были. Я механик, обслуживал самолет. Они летали. Кубинский кризис — как раз это у нас здесь подготовили 400 летчиков кубинских. Это мой отец. Это с другом сидит, с Иваном. Фотография бог знает какого года. Наверное, уже довоенная фотография. Начальничек. Это я рассказывал вам. ДСК. Мама с папой молодые. Микрюков, рассказывал. Вот старая фотография, пузатый — это я сiju. Папа, мама, Шурка. Я капризный сiju. Руки закинул на них. Вот это легендарная фотография. Точнее, я ее отксерил. Мой дед, 1890 года рождения. Дед-казак Углов Василий Николаевич. Это Углов Василий Николаевич, вот он, настоящий казак, во всем, с плеткой сидит. Это две сестры его, Аграфена и... Подождите, я вспоминаю, кто ее вторая... Сестра Аграфена Николаевна и справа сестра моей бабушки Ефимия Тарасовна, всё правильно. Вот он с сестрами сидит. Фотография 1890 года, но я ее переснял просто. Это мы казаки по маминой линии, так сказать, по маминой линии. Вот моя молодая мама, красавица. Плохо видно, вот она. С подружками там в Сибири, вот они, сибирячки. Все тоже ссыльные. Все красивые женщины, молодые, сосланы без мужей, что делать. Снимок какой-то [нрзб], бог знает сколько уже лет ей. Это я в армии служил. Всё, фотографии рассказал. Всё рассказал. Это в армии, армейская. Вот еще, фотография какого? 1940 года, перед войной. Это я, это папа, это Шурка, это сестра моя, которая умерла, это бабушка строгая, у которой мы жили, Капитолина, мама мамина. Вот мама. Фотография сделана в Гранд-отеле. Вот он я, вот такой малюсенький, это 1940 год, два года мне здесь, да? Два года. Капризный парень. [Нрзб] большую ложку, кричал, мне рассказывали. Вот это фотографии, это любительские уже. Это я был несколько раз на месте ссылки. Я так тосковал всегда по детским своим местам и четыре раза был на Шегарке, во Вдовино, где нас сослали. Один раз еле-еле затащил своего брата Шурку. Вот затащил буквально. Это мама. Маму возил туда, вот мама, она уже старушка. Вот это я, вот это мой друг Афонька Кобзев. Вот это Нина Степановна, жена, вот моя жена. Это [нрзб] Долгополова. Это мы на Шегарке, на месте нашего дома, я рассказываю что-то, Афонька показывает на свой дом. Ничего там нет, конечно. Это всё оттуда, любительские. Вот я сiju, вот это моя жена, вот мама, вот Шурка, а вот это Сережка Пастухов. Брат, младший брат, который Сережа Пастухов. Это мы на мосту, там сохранился мост, о котором я много писал, мы сидели на мосту, пошли на рыбалку. И вот это омут, напротив которого наш дом. Вот он наш дом на этом... И тут тайга такая, ровная вся тайга, там никаких нету... Топи, топи, болота сплошные. Всё, практически всё я вам рассказал.

02:26:29

Нет, не всё. Я хотела еще знаете что? Вот вы, когда снимали с той точки, показали Ольгу Федосеевну. Не могли бы вы ее еще раз показать мне и рассказать, как дальше складывалась ее жизнь?

Вот Ольга Федосеевна, вот она, видите? Вот она, полненькая, красивенькая женщина такая. Какая она добрая была! Ольга Федосеевна, Нечаева. Это Ядовинов, первый директор детдома,

Ядовинов. Воропаев, Алехнович, тут все фамилии у меня выписаны, там много. Атаянц. Вот Ольга Федосеевна, значит, ну, что скажу? Я пытался ее найти. Она тоже, видать, была ссыльная. Может быть, она, не знаю... Пытался, писал, где-то в Александровске, Александровск, город Александровск где-то в не в Тверской, а как она называется?

02:27:27

Калинин, Тверь была Калинин.

Да. И вот где-то она там была, но так я и не нашел. Я многих разыскивал. Это Александр, мой брат. Я многих разыскивал и ее очень тщательно, много друзей потом, всех разыскивал, как обычно. Ну, многих, несколько человек я нашел, а вот ее не нашел. Не знаю даже, как сложилась ее судьба. Вышла, конечно, она замуж, я думаю, вышла, красивая женщина. Что у нее, как, дети? Не настолько уж она была старше нас, я думаю, лет на 10, а то и меньше.

02:27:59

Фамилия ее известна вам?

Ольга Федосеевна Афанасьева. Вот, видите, у меня даже написано: Ольга Федосеевна... А, тут не написано. Афанасьева. Афанасьева. Ольга Федосеевна Афанасьева с Александровска откуда-то. Город Александровск есть такой, кажется.

02:28:17

А что она преподавала? Или она преподавала всё?

Она преподавала всё. Первые четыре класса она преподавала всё буквально, и чистописание, палочки мы начали рисовать при ней. Чистописание раньше было как, мы же несколько месяцев только палочки, потом палочка с крючком. Очень красивый был почерк у всех. Как-то учили этому. И она преподавала всё, и географию, — как я любил географию! — и чистописание, и что там еще, прямую речь, литературу, всё это преподавала она, литературу, историю. Всё буквально первые четыре класса она одна вела. Потом уже у нас была школа семилетка во Вдовоно, и там уже другие добавлялись, два или три преподавателя, до семилетки. А после семилетки мы уже в Пихтовку ходили за 50 километров, ходили, жили там и так далее. В Пихтовку, где Цветаева жила Анастасия.

02:29:13

Если мы... А, вот еще про то, как директор детского дома приехал к вам в Кисловодск. Вот есть фотография большая, вы на нее смотрите.

Да-да-да, вот он приезжал к нам. А вот еще фотография отца. Вот отец, отец вот, сидит со своим другом перед войной. В белых тапочках сидят. Старая-старая [фотография], 1940 год тоже. Значит, Микрюков приезжал в Кисловодск дважды или трижды, я уже забыл. Приезжал, каким-то образом нас нашел он, или мама с ним списалась. Скорее всего, мама. Мама у меня тоже была, несмотря на то, что она не особо грамотный человек, но она везде писала, со всеми знакомилась. Она как-то пыталась, переписывалась она со многими сибиряками. Седая уже, видите, старушка. И вот он приехал к ней, конечно. Он приехал, вспоминаю, я описываю встречу тоже с ним. А я уже был начальником ДСК, и у меня была — сначала там «бобик» был — машина, такая-сякая, главный инженер, потом у меня была черная «Волга». Знаете? Только эти ездили, как они называются, кагэбэшники, 21-40, это уже такая хорошая «Волга». Я когда приехал на «Волге», личный еще водитель, он, вижу, так смешался и верит или не верит, что это его воспитанник. Я повез его на дачу, дача у меня была уже двухэтажная, красивая, бильярд у меня, я бильярдист, бильярдная над гаражом у меня. И он, помню, вышел с этого... У них же в Сибири такие дачки, такие, а у меня хорошая дача. И он — выпили — еле сдерживает зависть или не знаю что, но, в общем, такое дело. Но потом, правда, расчувствовался, говорит: «Николай, вижу, что ты, наверное, внутри на меня в обиде». Он один раз так швырнул меня, я летел метров пять, чуть не поломал [ребра], когда я детдомовец был. «Но я вижу, что не даром мой труд пропал. Да, вы были хулиганы, но прости меня, я тоже слишком резок был к вам, и я вижу, что ты не последний человек в городе — вон сколько понастроил домов». Он еще не знал, что я буду писателем, он еще не знал в то время, что я буду писателем, это ж всё на пенсии накопил, 16 книг накопил. Могу показать, есть у меня по одному экземпляру каждой книги. И он, так сказать, ощутил себя, что он был очень доволен мной, что я достиг чего-то в жизни.

02:31:58

Он же вас выгнал.

Да, он нас выгнал, ну что делать? Мы такие с мамой были, мы простили. Мы простили. Мама говорит: «Он хочет приехать к нам». Я говорю: «Мам, ну что делать, ну простим. Мы русские люди, мы должны прощать друг другу. Мы должны всё прощать друг другу». Как Ольга Федосеевна нам простила и долг, наверное. Я даже не знаю, откровенно сказать, мама выплатила или нет. Я как-то и не стал интересоваться, выплатила или не выплатила. Такие люди русские есть всякие.

02:32:25

Тоже странно: вы когда уезжаете, вы говорите, что вы дом продаете примерно за ту же цену, за полторы тысячи. Странно же, что она не идет вас провожать? Или ее уже не было в то время там? Как?..

Ольга Федосеевна?

02:32:40

Да. Или она вас провожала?

Нет, не провожала. Нет, не провожала, и не знаю почему. Она, может быть, уже к тому времени тоже уехала. Всех же освободили, а мы всё, Филипп Васильевич у нас торговался очень долго. Все продают, все хаты продают, все уезжают, все отдают задаром на дрова. А он всё-таки в соседнем селе [нрзб] нашел этого Кобзева, деда этого Афанасия, и всё пытался ему столкнуть, подороже продать. Еле-еле продали, мы уехали уже в мае, в июне месяце мы уехали, вот так где-то. А освободили нас с самого начала года. Поэтому Ольги Федосеевны не было. Мы не прощались. С другой стороны, может быть, да, вот поэтому у меня было какое-то разочарование. Я хотел найти, хотел обнять, я хотел поблагодарить, я хотел извиниться. Ну, так получилось в жизни. Не всё бывает гладко. Ну, документы, в общем. Это свидетельство о реабилитации, 121-163, Ельцин дал в 1994 году. Написано «жертва политрепрессий, Кузнецов Николай Владимирович, 25 августа 1994 года». Это свидетельство, что я жертва политрепрессий. Это удостоверение Российского союза писателей. Кузнецов Николай Владимирович. И тут написано: Николай Углов. Это псевдоним. Тоже я в Союз писателей когда вступил? 17-09. По-моему, 2011-й или 2012 год. Вот это удостоверение международного журналиста, есть другое еще. Это писатель, а удостоверение писателя, то есть журналиста, в гараже. Стал я благодаря, так сказать, знакомству с такими-то людьми, здесь были, в Кисловодск приезжают такие, довольно разные люди, из Москвы в том числе. Я познакомился с членом президиума наших журналистов в Москве. Он так назывался. Он пригласил меня в Москву потом. Мы повстречались, здесь подружились. Тут подписи две же: Брюссель и Москва. Брюссель, Союз журналистов России. Вот такие телефоны тут, а это Брюссель. Он пригласил меня, я приехал туда к ним, и вручили мне такое удостоверение. Всего-навсего, ни особых заслуг, не скажу, что я... Но я, правда, говорил, что я политические статьи пишу, показывал. На Олимпиаде в 2014 году я был, на чемпионате мира по легкой атлетике, меня с команды взяли, хотя я ветеран уже. Я, кстати, чемпионом России по ветеранам был в 70 лет. Есть такие соревнования ветеранские, я чемпионом России стал. И меня взяли в сборную, потом я в Швецию попал. В Швецию впервые в 2005 году попал как член сборной ветеранов по легкой атлетике, по бегу. Восьмисотку я бежал, есть такой там город маленький, как его, господи? Не Сус, хотел Сус сказать, а Мальме. И вот в Швеции я впервые побывал. Но я как спортсмен побывал.

02:36:14

Это первая заграница в жизни? Или не первая заграница в жизни?

Нет, первая заграница была — 2005-й, сейчас скажу — была первая всё-таки Тунис, я ездил в Тунис. Мы купили путевочку. Всё красиво, все какие-то здания, всё не то, что у нас, серое. Мне понравился Тунис очень. Это было первое. Я ездил, Нина, и я брал это сына своего младшего. Втроем мы ездили в Тунис. А в Швеции я был как спортсмен, как чемпион России по ветеранам в возрасте 70 лет. Я занял на чемпионате Европы четвертое место, четвертое место на восьмисотке. А почему четвертое? Потому что пропьянствовал целую неделю с моим другом и его женой. Приехали Каспер, немец, у меня был друг здесь, мы на почве демократии познакомились очень сильно, я его, в конторе он у меня, у меня был штаб демократических сил в конторе. Штаб демократических сил. И вот он был очень такой... Он тоже немец, ссыльный бывший. Ко мне приехал туда, в Швецию, когда узнал, что я еду на соревнования. Мы перезванивались с ним. Бородатый. И вот мы с ним, они сняли домик у одного фермера, и мы там целую гнеделю... Привезли полную машину вина, хорошие вина такие. Мы там квасили. Ну чего, с другом, думаю, ладно с этими медалями, ну их к черту! И у камина сидим: ля-ля-ля. Пили вино. Может быть, и третье место было бы, может, и медаль бы была. Но не получилось. На восьмисотке. Вот этот диплом, я горжусь им, горжусь. «Кузнецов Николай Владимирович. В том, что он в 1963 году поступил в Северо-Кавказский горно-металлургический институт — в

Орджоникидзе, — а в 1971 году окончил полный курс Ростовского инженерно-строительного института. Присвоена квалификация... по специальности ПГС (промышленное и гражданское строительство). Решением от такого-то 1971-го... Инженер-строитель». Я горжусь этим. Учился заочно. Долго шел к этому диплому, вы знаете. У меня еще таких диплома три. Расскажу. Липецкий горно-металлургический техникум сначала. Где я впервые познал, так сказать, новую жизнь. Я учился только на одну стипендию. После этого нам дали распределение, после техникума, в Пензу, в Пензенский компрессорный завод и параллельно готовился. Липецкий техникум очно кончил. Потом в Пензу, в Пензенский политехнический институт поступил. Забрали в армию, потом три года армии, Фергана и Ейск. После армии поступаю, бросаю этот пензенский институт, поступаю в Северо-Кавказский горно-металлургический институт по первой профессии. Потом на четвертом курсе меня выгоняют. Четвертый курс, а я пропустил сессию зимнюю. Приезжаю, я чемпион края, я член сборной чуть ли не России, хотя не был [нрзб]. И мне директор [говорит]: «Мы чемпионов не готовим. Ознакомьтесь с приказом». Меня увольняют с четвертого курса. В то время тоже жестко было. Вместо этого горно-металлургического института... Думаю, где я буду работать в Кисловодске? Хрен его знает. Выгнали ну и выгнали. Лечу в Ростов. В Ростовский инженерно-строительный заочно поступаю, на два курса скидывают мне. Два курса убирают, «пересдашь то-то и то-то», архитектуру, несколько предметов пересдал. Я поступил на второй курс Ростовского инженерно-строительного института. Закончил его в 1971 году. Это мой самый любимый диплом. И потом как пошел! Я даже от себя не ожидал. Все смеялись: да что ты там, ну что ты будешь, инженер-строитель, кем ты там, ну до мастера дорастешь. Дошел до начальника. Благодаря своему упорству, труду, я думаю, конечно, замечали. Вот такое дело. С дипломами... А после этого диплома... А, перед этим, перед тем как назначить меня начальником, я четыре года ездил в Пятигорск. Был такой институт ЗОИПРОП — Заочный институт по подготовке руководителей производства. И вот это четыре года, четыре дня в неделю после работы страшной едешь туда, учишься, занимаешься. Я сдал, Заочный институт по подготовке руководителей производства, тоже сыграл диплом. И вот меня назначили начальником. Не только за дипломы, я думаю, всё-таки. Тогда ценили по работе, между прочим. Хорошо работаешь, стараешься, значит, ты продвинуешься. Сейчас этого нет. Сейчас мохнатая лапа, бабки и всё. Да, Российский союз писателей, я когда решил писать это всё, с мамой сидел, она вечерами мне начитывала. В Российский союз писателей поступил я в 2014 году всего-навсего. В 2014 году, вот с 2014-го накропал 16 книг. Поступил. Отослал в Ставрополь все документы, все посмотрели там, все свои статьи, там их 200 статей, 2000 статей у меня было. Там целое дело, такую пачку. Меня приняли. Сейчас, говорят, легче, еще легче, чтобы поступить, бабки плати. Точно или нет, не знаю, вот и всё. А нас в то время... Начинали — по-другому как-то было. Российский союз писателей. Меня должны были раньше принять в Союз журналистов, Союз писателей, но у нас была здесь, — царство небесное не говорю таким людям — главная коммунистка была во главе в городе. Она всегда говорила: «Кузнецов — это бомба в нашем союзе. Ни за что! Пока я жива, через мой труп!» Ей сколько говорили: Кузнецова надо принимать, посмотри, как пишет, а эти тут. Она меня не принимала. Как подохла, извиняюсь, и пошла она к черту, и меня приняли сразу. Другой уже человек был. Я болтун по натуре. Писатели, мы все такие: ля-ля-ля, тра-ля-ля. Я на туристической тропе начинаю говорить, за мной потом идут. Я говорю: «Всё-всё, я уже остываю, мне надо бежать». Что-что? Не все?

02:42:41

Не все писатели такие. Есть люди, которых [нрзб].

Я еще женщин люблю. Женщины, на женщин заглядываюсь.

02:42:49

Значит, еще...

Есть еще порох в пороховницах! Это точно. Это попали в точку.

02:42:58

Для вас, как вам кажется, это репрессивное время, которое, наверное, началось с 1920-х и, по всей видимости, хрущевской оттепелью кончилось, кто же виновен в том, что столько пострадало людей? Это какое-то персонифицированное зло или нет? Для вас лично.

Для меня, я даже с женой (Нина Степановна — это у меня вторая супруга, кстати), я часто говорю, вот она говорит: «У тебя патологический интерес к Сталину, к Ленину, к этим всем». Я говорю: «Ты знаешь, для меня непонятно, почему случилось такое. Сталин, Ленин были в ссылках, видели эту Сибирь, эти страдания». Поэтому меня всё тянуло в Сибирь, я все реки проехал, смотрел эту жизнь, эти комары и так далее. Почему они стали такими, когда они стали руководителями? Почему такое у них было — уничтожать свой народ? Почему не дать

ему чуть-чуть дохнуть после царского гнета? Царский гнет тоже был страшный. Все цари были угнетатели, ни одного нормального там не было. Если Петр Первый возил с собой два мешка вырванных зубов, извини. А Иван Грозный сажал — а это любимцы Путина нашего — а Иван Грозный сажал на кол всех своих противников, дворян и так далее. Зимой одевал на них тулупчик и говорил: «Тебе не холодно?» Человек сидит на колу, извини. Знаете, на чем, понимаете? Откуда эта жестокость? Я не могу понять, почему мы такие, почему. Стал во главе государства — и пошло, и пошло это кровавое колесо. И действительно, всё сильнее, всё сильнее, всё сильнее. Все помнят 1937 год. Да какой 1937 год? В 1949 году что было у нас там? Уже, казалось бы, перед Сталиным, туда как хлынула новая толпа украинцев, эстонцев, латышей, литовцев. Что творилось, я не знаю. Это всё время было, не только 1937 год. Это [с] кулак[ов] началось, это наши первые купцы, юнкера, духовенство. И всё это шло-шло-шло всё время, пока этот изверг не подох. Я не знаю почему. И они все такие. И сейчас боятся же. Все боятся. Не будем говорить на камеру, но все боятся одного. Почему мы такой народ? Я не могу понять. Я, по крайней мере, не боюсь. Заберут — заберут, хрен с ними. Я уже там был, не боюсь. Не знаю, как объяснить эту жестокость к своему народу, не могу понять. Сами были в ссылке, сами были преследуемы и после этого, когда получили власть, казалось бы — сделай что-то для народа. Нет. Началась опять империя, индустриализация. Для чего? Для будущей войны, для будущих войн. Вот и всё. Не знаю, почему народу не дают жить, не дают жить до сегодняшнего дня. Такой народ мы, значит.

02:46:04

Сейчас какие-то ужасные я произнесу слова по поводу десталинизации. Вы думаете, в стране десталинизация произошла? Хрущев, развенчав культ Сталина, разобрался с этим временем или нет?

Было откровение. Был как удар молнии для всех многое, но было же, вы знаете, все начали понимать, что что-то было. Особенно это вылилось при Горбачеве, вообще Горбачева считаю самым лучшим руководителем в стране за все годы. Сколько я спорю во всех сетях, пытаюсь доказать, но этим же не докажешь. Горбачев, который открыл железный занавес, который впервые прекратил эту войну дурацкую в Афганистане, вывел оттуда войска, миллионную группировку войск вывел из Германии. Начал перестройку, открыл нам глаза на всё это. Казалось бы, этого человека... Да, не всё получилось у него, да, он слабенький, может быть, был в этом отношении. Надо было жестче, надо было люстрацию провести этих коммунистов всех к чертовой матери. А он всё оглядывался на свое престарелое политбюро. И в 1991-е годы, когда [нрзб] собирал в Москве митинги по миллиону человек, люди против большевиков, против коммунистов были все. Выходили все и свергли всё-таки эту власть. А потом Ельцин нас предал всех. Он предал. Он оставил всех их у власти, бывших, их дети, внуки, потомки. Внучок этого Молотова, Никонов, вещает. Гад, я б тебя повесил первого. Это все дети убийц, родственники, все они. Сам Путин, можете это убрать, с 1972 года коммунист, вы знаете. И все тысячи первых, я всех изучил, у меня есть, они все коммунисты бывшие. Их дети, внуки, все бывшие... Понимаете? Все бывшие, хоть и говорят, что сейчас демократы у власти. Какие демократы? Демократов нет там ни одного. Там есть перекусившиеся коммунисты, которые научились креститься, говорить правильные слова о толерантности, о правах человека — и научились воровать. Самое главное. Поэтому я не знаю. Народ опять загнали в стойло, все молчат, все боятся. Не знаю, чего боятся. Уж хуже, наверное... Как вот сейчас у нас народ большинство, я-то, допустим, живу неплохо, а ведь я посмотрю, как живут, я по России много езжу. Как живут, господа, в деревнях этих. И терпят. Терпила. Нас называют терпилами. Народ-терпила. Вот такое дело.

02:48:51

Вы единственный из героев, кто поехал на место своей ссылки, кто добровольно... Вы сказали, что вы четыре раза туда ехали. Зачем? Никто из моих героев никогда потребности такой не испытывал, наоборот, пытались это забыть как страшный сон. Что вас туда потянуло вдруг?

А вот потянуло, знаете, всё-таки... У меня лучший друг по жизни поляк был, Володя Жигульский, когда я говорю, что собираюсь в очередной раз туда ехать, он говорит: «Николай, я тебя не могу понять. Где нас угнетали, где в нас плевали, где швыряли тебя, где голодали, где во вшах мы погибали — и ты лезешь туда. Чего ты лезешь туда?» Вы знаете, для меня это было... Я с таким счастьем вспоминаю это свое детство, у меня настолько было интересное детство! Дело в том, что там... Да, первые три-четыре года, а потом детдом пошел, а потом пошли друзья, а потом пошла рыбалка, охота. Ой! Я был ярый охотник, зайцев ловили, тетеревов. У меня целая книга «Сибирские рассказы» об этом. Я, наверное, вот это тянет, детство тянет. Любил, начинается воскресенье, пошел, мама затируху готовит, я говорю: «Я в лес». Лес тянул, речка тянула, лягушки тянули, чибисы, зайцы и так далее. Всё это, детство тянуло. Там детство прошло, там душа моя. Вот и всего-навсего. А ссылка, не ссылка — это мелочь.

02:50:23

А как сложилась судьба Жигульского? Чем стал, кем стал и уехал ли в Польшу?

Вовка Жигульский, конечно, нет его уже на свете, царство ему небесное. Мы с ним дружили. Когда мы вернулись, первым делом, конечно, после армии отслужил, приехал к нему, он говорит: «Брат, — он брат всегда меня называл — я работаю на [нрзб] заводе контролером. Я тебя устрою туда. Давай». Работы нет нигде, в Кисловодске не было работы. Он говорит: «Для начала, ты техник, металлург, место тебе будут беречь, но пока ты давай в литейный цех поступай». Я поступил формовщиком. Год, кстати, отпахал формовщиком. Тяжелейшая работа. Формуешь вручную, всё вручную было. Целый день эти тебе опоки переворачиваешь, потом пришел, начинает заливать — половину растянул, половина брак. Мне подшучивали: ой чемпион края если так работает! А потом я как дал им — и три нормы дал. И все после этого собрались формовщики — как дали мне: «Ты пришел сюда, выскочка! Из-за тебя нам все нормативы порезали». Тут как раз подоспел [нрзб]: «Пошел на хер с нашего коллектива!» Нормативы были на 70 опок, а я что-то под 200 сделал за одну смену. Я же был уже чемпионом края, был выносливый, я мог пахать, бетон мог рубить восемь часов подряд, дыхалка у меня не сбивалась. Честно говорю. Потому что срубал один раз бетон, помню, приходили: «Да что это он рубит? Да что с ним случилось? С ума сошел?» Ну, короче, меня выгнали формовщики [нрзб]. Я пришел, а тут Вовка: «Всё, место освободилось». Я [нрзб], как он сказал, устроился. «Будем вместе [нрзб]». Так вот у Вовки сложилась жизнь. Потом он стаканчик полюбил. Как ни поедем, приедет на мотороллере ко мне: «Поехали на Тамбукан, там девочки, там грязь, будем мазаться, обмазываться». И вот он выпивший на мотороллере меня везет на Тамбукан. Тамбукан — на границе озеро есть такое, на границе с Кабардой. Грязевое озеро, тогда было спокойно, разрешали, купались. Мы намажемся, как негры все черные, с девочками в волейбол играем. А я не пью. Он: «Да что тебе дался этот бег? Что ты с этим бегом?» И вот он мне всё это... А я как фанат стал, я фанат стал и не пил я 10 лет ни граммочки, ни граммочки. Это хорошо помню, что 10 лет. Первый раз после десятого года, в 1971 году, когда стал мастер спорта, первую рюмку поднес и сказал тост. Впервые после десятилетнего перерыва пью. А до этого тоже немножко употреблял, пил. А Вова любил женщин тоже очень, гулял с девочками. Жена неудачная, брак у него. Приехал ко мне в Кисловодск, бросил всё в Пятигорске, приехал в Кисловодск. Устроился, а у меня уже было связей немножко, устроил его начальником ПТО «Трест жилищного хозяйства». Это большая должность. Начал здесь работать, а потом всё-таки что-то не получилось на работе. Он был немножко вздорный такой поляк, знаете, никому не подчинялся. И он уехал, уехал в Днепропетровск, неудачный брак. Потом я списывался с ним. Я о нем много написал, «Лучший друг по жизни» — у меня есть такая глава. И даже здесь, по моему, есть глава. Точно не знаю. Есть? Должна быть. Сейчас я вам подарю. У него якобы родился сын. Такой огромный, два метра, а головка небольшая. Кто-то мне сказал, бабка или кто-то. И Вовка на эту тему... Конечно, я не расспрашивал, ничего. И он исчез. После этого он уехал не в Польшу, а на границу с Польшей, в Ленинградскую область. И потом якобы хотел в Польшу уехать. И что-то такое... Умер, короче, он рано, в 60 лет умер. Как и Костя Чадаев. Все мои друзья, кого тут перечислял, никого нет на свете.